

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Благоприятна ли для личной свободы теория *laissez faire, laissez passer*? — Может ли государство, если бы и захотело, не иметь чрезвычайно сильного влияния на экономическую деятельность частного лица? — При каких условиях прямое вмешательство законодательства в экономические отношения бывает полезно для личной свободы?

Мы беседовали с экономистами отсталой школы об их философских предубеждениях против общинного владения², теперь побеседуем с ними о тех предубеждениях, которые проистекают из основного принципа их собственно экономической теории. Принципом этим служит, как известно, знаменитый девиз: «невмешательство государства, полнейшая свобода частной деятельности». Они утверждают, что кто желает прямого участия законодательства в определении экономических отношений, тот отдает личность в жертву деспотизму общества. Мы постараемся показать, что их собственная теория именно и ведет к этому, а потом изложим те понятия об отношениях государства к экономической деятельности, которые кажутся нам более благоприятными для личной свободы индивидуума и более справедливыми.

Эта статья разделяется на две половины. В первой мы беседуем с экономистами отсталой школы, пробуем принять их теорию и смотрим, к чему она ведет. Убедившись в том, что эта теория повертывается решительно в невыгодную для личности, ищем для личности гарантий, более практических и верных.

Счастливы люди, у которых есть «абсолютный принцип». Им не нужно ни наблюдать фактов, ни думать: у них заранее готово лекарство для всякой болезни, и для всякой болезни одно и то же лекарство, как у знаменитого доктора, каждому пациенту говорившего: «принять слабительного и поставить клистир», *purgare et clystirizare*. Иван сломил ногу, — дать ему слабительного, поставить клистир, он будет здоров, — других средств не нужно. У Петра обнаружилась золотуха, — все-таки других средств не нужно, пусть принимает слабительное и ставит клистир, тоже выздоровеет. Наконец у Павла нет никакой болезни, — нужды нет, пусть принимает слаби-

тельное и ставит клистир: *purgare et clystirizare*, будет еще здоровее. *Purgare et clystirizare*, — как упрощается теория медицины, как облегчается медицинская практика этим талисманом!

Подобными талисманами владеют многие. Для «значительного лица», к которому Акакий Акакиевич обратился по поводу пропажи своей шинели, талисманом было «распечь». Для экономистов отсталой школы таким же талисманом служит прелестный девиз «невмешательство государства». Девизы противоположны, но с равным удобством применяются ко всему. Три четверти английской нации состоят из бездомных бедняков, — как помочь их бедственному положению? Экономисты отсталой школы говорят: «пусть государство перестанет вмешиваться в их дела, пусть уничтожит сбор в пользу бедных»; значительное лицо гоголевской повести говорит: «распечь их!» Французы увлеклись биржевыми спекуляциями до разорительной и безнравственной крайности, — как отвратить это зло? «Пусть государство не вмешивается в экономические отношения», говорят отсталые экономисты; «распечь их!» говорит значительное лицо.

Purgare et clystirizare — как спокойна совесть при таком девизе! Золотуха у Петра мало-помалу проходит, — это от того, что он ставил клистир и принимал слабительное. Нога Ивана, оставленная без лечения, подверглась гангрене, и бедняга умирает, — это от того, что он мало принимал слабительного и не довольно часто ставил клистир. Совесть доктора чиста, тишина его души невозмутима.

Мы не имеем счастья обладать таким всеисцеляющим средством. Правда, есть у нас общая норма для оценки всех фактов общественной жизни и частной деятельности: «благо человека», но эта формула указывает только цель, а не дает готовых средств к ее достижению; так, для рассудительного медика есть одна общая норма действия: «здоровье организма», но она также указывает только цель, а еще не определяет средств.

Как все односторонние люди, отсталые экономисты школы невмешательства государства очень полезны в случаях столкновения с какой-нибудь другой односторонностью. Доктор Санградо³, имевший универсальным средством кровопускание, мог бы с пользой для пациента найти сильное противоречие своей неленой исключительности в другой столь же нелепой исключительности: *purgare et clystirizare*. Школа невмешательства государства оказывается очень благотворительной для общества в спорах

со школою, для которой универсальным лекарством служит гоголевское правило «распечь их».

Мы не отвергаем того, что в старину принцип *laissez faire, laissez passer* был чрезвычайно полезен, что и теперь во многих странах и во многих случаях он является благотворным, как ни один рассудительный доктор не отвергает чрезвычайной пользы *purgandi et clystirizandi* в очень многих случаях. Мы только думаем, что не во всех болезнях пригодны и достаточны английская соль и промывательное, что медицина не должна ограничивать своих средств ложкой касторового масла и бутылкой молока с чесноком; мы только думаем и постараемся доказать, что принцип *laissez faire, laissez passer* не заключает в себе один полного и готового ответа на всевозможные экономические вопросы, не может считаться исключительным решением всех общественных задач.

Нелегко удерживать других и самому удерживаться от односторонности в практике, где часто один какой-нибудь факт, режущий глаза своей нелепостью, заставляет человека забывать обо всем остальном, кроме средства, служащего противоядием именно против этого факта. Когда у вас перед глазами откуп и пьянство, трудно вам удержаться от проклятия вину; и, например, французу или пруссаку, каждый шаг которого стеснен путами мелочной бюрократии, трудно помнить в столкновениях практической жизни, что только дурная и утрированная форма государственного вмешательства в частные дела должна быть отвергаема, а не самый принцип, и что противная односторонность была бы не менее вредна и даже не менее стеснительна. На практике трудно бывает иногда щадить принцип в споре против формы. Но теперь мы только пишем статью, вы, читатель, будете перелистывать ее; мы оба — в своей комнате, наедине, не занятые никаким практическим делом, никто нам не мешает, нет подле нас никакого ландрата или префекта, мы ушли на несколько часов в теоретическую жизнь, забыли о всех дрязгах, которые ждут нас за порогом нашей комнаты или даже ворвутся в нее через час, через два; мы заняты теперь только отвлеченной теорией, а в теории критика односторонностей чрезвычайно легка.

В теории критика односторонностей так легка, что не бывает даже надобности спорить с противником об основаниях его системы. Можно сказать ему для скорейшего окончания дела: я вперед принимаю за истину все ваши принципы, каковы бы они ни были; потрудитесь высказать

их, и тогда я попрошу вас только не отказываться от того, что вы раз сказали. Мы спорить не будем; я буду развивать только собственные ваши мысли, и вы увидите, что эти принципы ведут к тому самому, против чего вы восстаете. Помните только одно условие: мы предположим, что ваши слова совершенно справедливы и что принципы, вами высказанные, выше всякого сомнения. Я предоставляю вам право иметь какой угодно образ мыслей и требую только одного: считайте ваш образ мыслей справедливым и не отказывайтесь от него. Мы скоро увидим, захотите ли вы сами хвалить его.

Мы на время вполне принимаем за совершенную истину всю теорию *laissez faire, laissez passer* в самом точном и безусловном ее выражении. Вот она:

«Экономической деятельности отдельного лица должна быть предоставлена совершенная свобода. Общество не имеет права налагать на нее никаких стеснений. Государство не имеет права заниматься ни одним из тех предметов деятельности, которые осуществляются или могут быть осуществлены силами отдельного лица. Государство существует только для ограждения безопасности частных лиц и для отвращения стеснений, которые могли бы мешать полнейшему развитию частной деятельности. Иначе говоря, заботе государства подлежит только то, что не достигается и не может быть достигнуто деятельностью частных лиц; иначе сказать, государство есть только страж безопасности частных лиц; безусловная свобода для деятельности частного лица есть верховный принцип общества, и государство должно иметь существование и деятельность только в той мере, какая нужна для осуществления этого верховного принципа. Иначе сказать, идеал государственной деятельности есть нуль, и чем ближе может оно подойти к этому, тем лучше для общества».

Мы выразили теорию *laissez faire, laissez passer* с такой полнотой и точностью, что все остальные экономисты от Бастиа до г. Воловского (мы надеемся скоро сообщить читателю о том, до какой безумной крайности дошел г. Воловский в крестьянском вопросе по ослеплению принципом *laissez faire, laissez passer*) обеими руками готовы были бы подписать изложенную нами теорию и провозгласили бы ее чистейшей эссенцией своего собственного учения.

Итак, мы становимся последователями системы *laissez faire, laissez passer*; постараемся же вникнуть в мысль,

нами безусловно принятую и поставленную выше всякого спора.

«Экономической деятельности отдельных лиц должна быть предоставлена совершенная свобода». Например, если бы я хотел открыть лавку, положим для торговли стеклянной посудой, общество не должно мешать мне открыть ее; и если кто-нибудь захочет помешать мне в этом, государство обязано устранить полагаемое моей свободой стеснение. Быть может, существует корпорация, присвоившая себе монополию торговли стеклянной посудой. Государство обязано отменить монополию и уничтожить привилегированную корпорацию. Но, быть может, корпорация придумала поддерживать монополию не привилегией, этим грубым средством простаков, а другими более хитрыми и удачными способами. Например, располагая огромными денежными средствами, она могла бы закупить на стеклянном заводе всю посуду или, что еще вернее, обязать хозяина завода контрактом, чтобы он не смел продавать посуду с завода никому, кроме этой самой корпорации, — тогда я также был бы лишен возможности открыть лавку стеклянной посуды; для моей экономической свободы было бы то же стеснение, как и прежде, и государство также было бы обязано позаботиться о средствах возратить мне свободу, уничтоженную коварным действием корпорации. Быть может, средства, достаточные и пригодные для прекращения монополии, основанной на привилегии, были бы непригодны и недостаточны против этого более тонкого образа действий; но мы здесь говорим не о том, каковы должны быть средства, употребляемые государством для исполнения своей обязанности, а только о том, какова обязанность государства; она остается одна и та же: устранить стеснение, мешающее мне заняться известным родом торговли. Вы скажете, может быть, что вовсе нет средств отвратить монополию во втором случае, — я этого пока не знаю; но если это так, я говорю, что бывают случаи, в которых государство не имеет возможности исполнить свою обязанность; а неисполнение обязанности есть ее нарушение, и я говорю, следовательно, что бывают случаи, когда государство вынуждается необходимостью нарушать приписанную нами ему обязанность. Итак, одно из двух: или нельзя приписывать государству исключительной обязанности — охранять свободу экономической деятельности, или всегда могут быть найдены государством средства для ее охранения. Мы уже согласились приписать государству эту обязанность, потому должны предполо-

жить, что всегда могут быть найдены средства для ее исполнения.

Согласны ли вы со мною? Если не согласны, то откажитесь, как от нелепой невозможности, от вашей первой мысли: «экономической деятельности отдельного лица должна быть предоставлена совершенная свобода». Но мы уже поставили условием, что ваши мысли безусловно справедливы и что вы не имеете права от них отказываться. Если вы не хотите соблюдать этого условия, — опять-таки полная вам воля; но в таком случае я объявляю, что вы сами не знаете, что говорите, что у вас нет прочного образа мыслей, что я не только не обращаю, но и не имею права обращать ровно никакого внимания на ваши мнения.

Разумеется, вы этого не захотите. Вы думаете, что у вас есть образ мыслей, что он заслуживает внимания, что вы остаетесь ему верны, и вы не откажетесь от ваших слов. Помните же, в чем мы теперь с вами согласились: на государстве лежит обязанность охранять совершенную свободу экономической деятельности отдельного лица. Помните же, что, какой ни представился бы нам случай, мы должны будем отыскивать средства к охранению такой свободы, и если кто-нибудь станет жаловаться на стеснения, мы не можем отказать ему в нашем содействии под предлогом, что нет способов устранить это стеснение. Согласны ли? Я предчувствую, что вас начинает коробить; но что делать? Ведь вы сами объявили ваш образ мыслей справедливым; вы убедили меня принять его; вы не имеете права жаловаться на непрактичность моих слов: они только повторение ваших собственных слов, которые мы с вами уже признали совершенно истинными. Исследуем же далее вашу истину.

«Общество не имеет права налагать на экономическую деятельность отдельного лица никаких стеснений». Вы не думайте, что я поступлю с вами коварно, что я стану придавать вашей теории смысл, которого она не имела в вашем уме, например выводить из нее, будто общество не имеет права налагать податей и повинностей или делать полицейских распоряжений для охранения порядка. Я знаю, что вы хотели понимать вещи рассудительно и что вы — друзья порядка, что, говоря «никаких стеснений», вы подразумевали: «кроме стеснений, действительно нужных для ограждения порядка и для избежания других, более неприятных стеснений». Правда ли, я угадал вашу мысль? Но в таком случае к чему мы пришли? Мы уже не можем отвергать какую-нибудь меру одним восклицанием:

«она стеснительна!» Нет, мы уже обязаны всматриваться, не полагает ли общество, что этим стеснением оно предотвращает какое-нибудь другое стеснение, более тяжелое, или охраняет порядок. И если общество скажет, что оно так думает, мы остаемся безгласны. В какое мы положение стали? Если бы, например, обществу вздумалось постановить правилом, чтобы люди по улицам не могли ходить иначе, как заложив руки за спину, что могли бы мы возразить против этого? Общество сказала бы, что полагает стеснительным для людей ходить, не заложив руки за спину: во-первых, когда руки болтаются или локти выставлены, прохожие беспрестанно задевают друг друга, — это стеснительно, и лучше заложить руки за спину, чтобы меньшим стеснением избежать большего; во-вторых, когда руки заложены за спину, грудь выставляется вперед, дыхание становится легче и шире, легкие развиваются и укрепляются, и через несколько времени человек освобождается от стеснения в груди, которым все городские жители более или менее страдают; стало быть, опять-таки меньшим стеснением отвращается большее. Мы с вами могли бы находить, что все это глупо, но не могли бы сказать, что общество превысило те границы власти, которые мы с вами сами предписали ему. Да то ли еще? Общество тогда могло бы принуждать нас с вами решительно ко всему, что ему вздумается, например хотя бы ходить вверх ногами во время грязи. Оно сказала бы, что ноги можно промочить, а руки не боятся сырости, да и, кроме того, таскать калоши на ногах очень стеснительно, а во время грязи, если ходить на ногах, то необходимо таскать калоши, если же ходить вверх ногами, на руках вместо ног, то от стеснения калошами человек избавляется. «Но послушайте, это однакож явная бессмыслица. Нужно же иметь хоть каплю здравого смысла». Вот оно куда пошло! Так уж понадобился здравый смысл? Я всегда предполагал надобность в нем; но теперь, к сожалению, мы не имеем права ссылаться на него: ведь мы уже поставили принципом наших рассуждений известную теорию, сказали, что признаем ее безусловно справедливой, — что ж нам теперь делать с здравым смыслом, если он восстает против того или другого приложения нашей теории? Он мешается не в свое дело, мы обязаны прогнать его. Ведь мы уже сказали, что общество может налагать на деятельность частного лица меньшее стеснение, чтобы избежать большего. Кто налагает? Общество. Следовательно, в чьих понятиях определяется, что больше и что меньше? В понятиях

общества. Стало быть, кто судья о том, каким стеснениям должна подвергнуться наша с вами жизнь? Опять-таки общество. Стало быть, общество имеет право сделать с нами совершенно все, что ему угодно, — вот к чему привела нас наша теория. Если, например, общество вздумало бы, что указательный палец стесняет мою деятельность, и велело бы отрезать его или вздумало бы, что смотреть двумя глазами для меня не так удобно, как смотреть одним правым, и велело бы выколоть мне один глаз, — я не мог бы сказать, что оно превышает свои права надо мной. «Но это возмутительно, это бесчеловечно!» — Почему же? — «Да это гнусно!» — Почему же гнусно? — «Да это возмутительно и бесчеловечно!» — Ну вот опять за старое. Я спрашиваю, почему же возмутительно? — «Потому, что это противно чувству справедливости!» — Вот как... Ну, а почему же бесчеловечно? — «Да как же не бесчеловечно резать палец и выкалывать глаз невинному человеку? Ведь этим нарушаются священные права человеческой личности!» Вот оно куда пришло! Справедливость, священные права человеческой личности... Я всегда предполагал, что эти вещи не мешает принимать в соображение; но, к сожалению, теперь мы не можем этого сделать; мы уже взяли известную теорию за безусловную истину, и если справедливость будет ею нарушаться, если священные права человеческой личности будут ею разрушаться, мы можем только пожимать плечами и говорить: жаль, а нечего делать; теория справедлива, следовательно все противное ей — ложь. А другие утешат нас, объяснив, что это только так кажется, будто справедливость и человеческие права нарушаются нашей теорией; а в самом деле нарушения тут никакого нет.

Вы догадываетесь, что прибавкой к словам «общество не имеет права налагать на отдельного человека никаких стеснений» вашей милой оговорки «кроме стеснений, нужных для ограждения порядка и для избежания других более неприятных стеснений», вы обратили вашу теорию свободы в теорию безграничного произвола общественной власти над отдельной личностью, предали личность связанною по рукам и по ногам в жертву необузданнейшего деспотизма. Вы раскаиваетесь в этой прибавке, вы хотели бы взять ее назад, — это вы можете, ведь она была только моей догадкой о смысле вашей теории. Вы сначала одобрили догадку, потом мы с вами увидели, что она нелепа, так бросим ее. Возвратимся к вашей теории без всяких догадок о ее смысле. В теории говорилось: «общество не

имеет права налагать на экономическую деятельность отдельного лица никаких стеснений». Только этих слов вы не можете брать назад по нашему уговору, от всяких дополнений вы можете отказываться. Итак, «никаких стеснений». Ну и прекрасно. Пусть так и будет, без всяких ограничений и исключений. Я чувствую наклонность к огородничеству. Прохожу по Обводному каналу, вижу огород, вижу заступ у одной гряды, начинаю копать, душа моя в восторге, моя деятельность полезна обществу, намерения мои чисты. Но приходит сторож, видит незнакомого человека, подозревает во мне намерение воспользоваться его огурцами, призывает будочника, и будочник соглашается с ним, что я не смею заниматься работой на его огороде без его согласия. Что же мне делать? (Если меня не посадили под арест за подозрение в намерении похитить чужую собственность.) Общество говорит: «ты наймись в работники огородника». Но если огородник предлагает мне условия, стеснительные для моей свободы? Например, если он требует, чтобы я каждый день приходил работать к нему? Я этого не могу. Итак, моя деятельность стеснена. Я не восстаю против огородника, он может быть и прав; но по нашей с вами теории общество должно найти средство для меня заниматься огородничеством без стеснения моей свободы. Я предполагаю, что единственное средство к тому: устроить общественный огород, в котором работал бы каждый, когда хочет и сколько хочет. Может быть, это неудобноисполнимо; по нашей теории я не хочу и не должен знать этого. Ведь мы уже видели: теория ставит нас в необходимость предполагать, что способы к доставлению полной свободы экономической деятельности отдельного лица всегда могут быть найдены. Мы с вами вовсе не восстаем против собственности, — сохрани нас бог! — но пример огородника показывает нам, что принадлежность известной собственности известному одному лицу может налагать стеснительные условия на экономическую деятельность других лиц, и наша теория показывает, что на обществе лежит обязанность приискать средства для устранения этих стеснений. Я предложил одно средство: завести общественный огород. Если оно вам не нравится, приищите другие средства, но, пожалуйста, приищите, потому что иначе вся наша теория *laissez faire, laissez passer* разлетелась бы в пыль, — а ведь мы уже согласились с вами, что она безусловно справедлива. Продолжаем же вникать в ее истины.

«Государство существует только для ограждения безопасности частных лиц и для отвращения стеснений, которые могли бы мешать полнейшему развитию частной деятельности». Только для этого, больше ни для чего. Но и тут хлопот ему будет довольно. «Ограждение безопасности», — в старину, когда люди были глупы, они думали, что безопасность может быть достаточно ограждена карательными средствами (это я говорю как отсталый экономист; а если б я не был связан уговором держаться отсталых мнений, я полагал бы, что и в старину люди не были слишком глупы и никогда этого не думали); но теперь каждый знает, что этого мало. Например, экономическая деятельность чрезвычайно страдает от подделки бумажных денег. Во всех государствах есть очень строгие законы против этого преступления. Но в старину, когда наши ассигнации имели очень грубую гравировку, все-таки чуть ли не в каждой губернии находилось по несколько артистов, успешно производивших подделку при помощи деревянной доски, гвоздя и шила; более замысловатых орудий не было нужно, и рука набивалась к этому делу очень легко. Что же вы думаете? Нашли против доморощенных артистов средство более действительное, нежели строгость наказаний: нынешние кредитные билеты имеют такую тонкую гравировку, что гвоздем и шилом нельзя их подделывать, и разве самый искусный гравер может вырезать порядочную форму для них; притом и бумага для кредитных билетов употребляется совершенно особенная, так что мало быть отличным гравером, нужно иметь еще отличную бумажную фабрику, чтобы подделывать бумажные деньги сносным образом. Кому из отличных граверов, получающих большие деньги за честную работу, придет охота рисковать собою, и какой хозяин отличной бумажной фабрики захочет помогать ему? Ремесло подделки, сильно упавшее, исчезло бы совершенно, если бы не одно обстоятельство: есть много безграмотных людей, которые не могут прочесть на обороте кредитной бумажки бисерного шрифта и не догадываются смотреть кредитный билет на свет, чтобы видеть, имеет ли бумага надлежащие знаки. Ясно, что распространение грамотности убьет и последние слабые остатки ремесла, прежде процветавшего, несмотря ни на какие наказания. Из этого мы видим, что для ограждения безопасности мало одних карательных законов; нужно также, чтобы нарушение безопасности перестало быть выгодным и нужным для отдельных лиц. Для доморощенных артистов, работающих гвоздем и шилом,

подделка бумажных денег перестала быть выгодной, потому что прекратился сбыт их грубым изделиям; для отличных гравиров и хозяев бумажных фабрик подделка не нужна, потому что у них и без того довольно денег. Приложим эти правила к обыкновеннейшим случаям нарушения безопасности: к убийству, грабежу и воровству. Воровством обыкновенно занимаются люди, дошедшие до нищеты. Стало быть, если государство обязано ограждать безопасность, оно обязано заботиться, чтобы никто не доходил до нищеты. Как это сделать? Я полагал бы, что следовало бы принимать меры к устройству такого общественного порядка, при котором каждый человек имел бы некоторую собственность и находил бы всегда удобства зарабатывать безбедные средства для жизни честным трудом. Я полагал бы также, что нужно заботиться об отнятии привлекательности у пороков, доводящих до нищеты. Наконец я полагал бы, что можно было бы заботиться о смягчении прав. Согласны ли вы на это? Если так, государству будет очень много дела. Например, возьмем из трех задач хоть только одну вторую: отнятие привлекательности у пороков, и возьмем хотя только один порок, например, расточительность. Каждый знает, что она бывает причиной множества бедствий, а экономисты, всматривавшиеся в жизнь поглубже отсталых людей, мнения которых мы приняли на время, находят, что эта слабость производит гораздо более бедствий, нежели самые ужасные пороки. Как же ослабить ее? Вы помните историю Маши и ее мужа:

Белый день занялся над столицей...

Конечно, грех и говорить о расточительности бедной молодой женщины, которая, как видно, не имеет ни кареты, ни даже ложи в Итальянской опере хотя бы в четвертом ярусе; но все-таки к чему приходит дело? Чтобы не огорчать жену отказами, муж трудится выше сил и скоро должен умереть от чахотки. Вот вам и великая беда. Что станет делать несчастная вдова? Ее ожидает нищета, быть может разврат. Притом, как хотите, а все-таки она — убийца мужа. Впрочем, такая развязка — редкий случай. Муж Маши — человек слишком твердого характера, слишком высокого нравственного развития, каких немного:

Человек он был странной породы,
Исключительно честь понимал.

Из целой сотни людей разве двое имеют такую твердость характера и мыслей; остальные известно как поступают для приобретения нужных денег: они не отвергают «прекрасного средства», представляемого находящимся «под рукой казенным сундуком» и тому подобными источниками. Тут уж погибает не одно семейство, а страдает целая нация. Как же ослабить расточительность? Что надобно сделать, чтобы Маша не убивала мужа и не заставляла его подумывать о казенном сундуке? Надобно посмотреть, отчего происходит, чем поддерживается ее слабость к нарядам.

Завтра Маше подруга покажет
Дорогой и красивый наряд,—
Ничего ему Маша не скажет,
Только взглянет... убийственный взгляд!

Значит, покуда не переведутся подруги, у которых много лишних денег на пустые наряды, нельзя вылечить и Машу. Да эта ли одна беда? Муж думает иногда поговорить с Машей, что надобно жить скромнее.

Да обидится гордая теща.

Нельзя жить скромно, иначе перессоришься с родными. Значит, плохо будет дело, пока известный размер расходов считается обязанностью, налагаемой на человека его именем. Да и это еще не все. В самой Маше третья беда, с которой всего труднее справиться —

Все бы вздор... только с Машей не сладишь;
Не втолкуешь...

Маша дурно воспитана. Пока не изменится характер воспитания, ничего порядочного нельзя ожидать.

Посмотрите же теперь: из одного случая, касающегося только одного из многих вопросов, представляемых только одной из трех задач, какие уже обширные обязанности найдены нами для государства. Оно должно позаботиться об уменьшении числа людей, имеющих возможность сорить деньги, которым счета не знают; оно должно позаботиться о прекращении чванства именами; оно должно позаботиться об улучшении воспитания. Какие меры оно примет к тому, мы не знаем; теперь мы не даем советов об употреблении власти, а рассматриваем только пределы власти, определяемые обязанностью правительства забо-

тяться о безопасности. Что бы ни предприняло государство для достижения найденных нами целей, оно останется в пределах своей власти, если мы будем принимать теорию, поставляющую исключительным долгом правительства заботу об одной безопасности.

Если бы, например, какое-нибудь правительство почло нужным для прекращения мотовства конфисковать все имущества, превышающие известную меру; для прекращения хвастовства именами запретить употребление фамильных имен и приказать, чтобы подданные отличались друг от друга только нумерами; для улучшения характера воспитания брать всех детей по достижении пяти или шести лет из отцовского дома и отдавать в какие-нибудь казармы для малолетних, — если бы какое-нибудь правительство почло нужным сделать все это, можно было бы рассуждать о том, приведут ли к желаемому результату, то есть к искоренению расточительности, предпринятые государством меры, но нельзя было бы сказать, что оно превысило меру власти, предоставляемой ему теорией отсталых экономистов, предписывающих ему ограничиваться одним наблюдением за общественной безопасностью. Нарушается ли безопасность преступлениями? Нарушается. Служит ли расточительность одной из причин преступлений? Служит. Вправе ли государство принимать меры для отстранения фактов вредных для безопасности? Не только вправе, но и обязано по принятой на время нами теории. После этого не остается никаких рассуждений.

Государство может резать носы, набивать по хивинскому обычаю конских волос в пятки или по обычаю старинных учителей подвергать всех подвластных ему телесному наказанию каждую субботу, конфисковать имущество, отнимать детей у родителей, — оно вправе делать все это и все другое, что ему вздумается, лишь бы только ему казалось, что это нужно для общественной безопасности. Я знаю, о чем вы опять заговорите, — опять о здравом смысле, о правах человеческой личности. Но, повторяем, мы говорим не о том, какие меры благоразумны, какие нет, какие человечны, какие бесчеловечны, — мы говорим только о том, какие будут законны по нашей теории. Быть может, вы теперь думаете, что напрасно мы допускали ее безусловно, что напрасно не сделали мы оговорки о правах здравого смысла и человеческой личности. Быть может, — но уж выдержим на минуту характер, соблюдая свое обещание твердо держаться теории и про-

смотрим всю ее до конца. А потом, когда пресытимся этой прелестью, посмотрим, много ли останется из нашей теории, если мы подчиним ее требованиям здравого смысла и правам человеческой личности. Быть может, вы пресытились ею даже и теперь; но мы слышали о ней столько хорошего, что непременно хотим рассмотреть все ее красоты. Почему знать? Может быть, в конце найдется что-нибудь новенькое.

Мы уже знаем, что государство существует только для ограждения безопасности. Этот основной принцип теории развивается и поясняется несколькими перифразами, имеющими, по-видимому, тот же самый смысл. Первый перифраз таков: «иначе говоря, заботе государства подлежит только то, что не достигается и не может быть достигнуто деятельностью частных лиц». Прекрасно; по этому правилу на обязанности государства лежит содержать армию и флот, без которых нет безопасности и которые не могут быть содержимы частными лицами. Но что, если я скажу, что, например, доставление каждому члену общества возможности жить честным трудом (условие также необходимое для общественной безопасности, потому что кто не может жить честным трудом, по необходимости берется за дурные средства) также достигается только общественной волей (законом) и общественной деятельностью, а не деятельностью частных лиц? Вы предчувствуете, куда ведут такие слова. Впрочем, не бойтесь. Я имею в виду пока не простолюдинов, не черные работы, — нет, мы приняли теорию людей богатых и будем говорить прежде всего о так называемых высоких потребностях и занятиях. Например, при нынешнем состоянии мореходства нужна астрономия. Для астрономии нужны между прочим каталоги звезд. Может ли составление каталога звезд окупиться распродажей этой книги, как окупаются вздорные повестушки и пустые статейки? Составление звездного каталога требует многих годов, — чем будет жить составитель до окончания своей работы? По ее окончании книга разойдется в 50 экземплярах, и вместо выгоды ее напечатание дает страшный недочет. Что же из этого следует? Полезный труд должен обеспечивать жизнь трудящегося. Каталог звезд полезен. Но частные люди, в отдельности каждый, не обеспечивают должного вознаграждения за него. Ясно, что государство обязано дать средства для этого труда. Берем другой пример. Предположим, что маленькому мальчику или человеку, страждущему помешательством ума, достался дом; предположим,

что у бедняжки нет близких родственников или что они люди недобросовестные. Вы прерываете меня и говорите, к чему тянуть дело? Ясно, что дом надобно взять в опеку. Ясно ли? Предупреждаем, что выводы из этого довольно важны. Но ни один из отсталых экономистов не думал еще отвергать необходимость опеки в подобном случае. Стало быть, дело можно считать бесспорным. Теперь спрашивается, на чем основана необходимость опеки? На неспособности взятого в пример человека управлять своими делами. На чем же основана его неспособность? На недостаточном или болезненном развитии его ума. Отчего же у маленького ребенка слаб ум? Отчего помешанный лишился рассудка? «Какое мне дело,— отвечаете вы.— Мы говорим не о физиологии и занимаемся не сплетнями, мы решаем практический вопрос, для решения которого все равно, каковы бы ни были причины слабоумия. Общество знает только, что известное лицо не имеет способности управлять своим домом, и больше ничего знать не обязано, а обязано учредить опеку». Помните же, до чего мы дошли: кто не способен оберегать свои выгоды, выгоды того должны оберегаться обществом. Так ли? Если не так, то общество не имеет права учреждать опеки над детьми и лишенными рассудка.

Подведем же итог к результатам, полученным нами: общество должно доставить приличное вознаграждение за труд человеку, желающему и умеющему заниматься честным и полезным трудом, если без вмешательства общества он не находит для себя вознаграждения. Общество обязано принимать на себя заботу о делах таких людей, которые не могут сами охранять своих интересов.

Принимаете ли вы эти выводы? Если не принимаете, вы отказываетесь от собственной вашей теории, а мы уже согласились не отказываться от нее. Кроме того, вы не признаете за обществом таких прав, или, лучше сказать, обязанностей, как, например, учреждение опеки над детьми-сиротами.

Если же вы принимаете эти выводы, ими разрушается вся первая половина вашей теории: на общество налагаются обязанности гораздо более обширные, нежели простая забота о безопасности. В самом деле, разве нарушится безопасность, если жильцы дома, принадлежащего ребенку, не станут ничего платить ему за квартиру, а просто возьмут его на прокормление себе, хотя бы с целью сделать его своим слугой, когда он вырастет? Безопасность лица тут неприкосновенна. «Но страдают его

экономические интересы». Вот именно, о том мы и говорим: стало быть, общество обязано оказывать защиту всякому, чьи интересы пострадали бы без вмешательства общества. Ведь это уже принцип гораздо более обширный, нежели охранение безопасности. После этого, значит, если я заключил невыгодный для меня контракт, то общество может объявить этот контракт недействительным? Ведь мои интересы пострадали бы без этого?

В самом деле удивительно, каким образом одни и те же люди, то есть отсталые экономисты, за один прием высказывают два правила, будто бы совершенно согласные: «государство должно заботиться только об ограждении безопасности» и «государство обязано делать то, что не достигается деятельностью частных лиц»? Как не замечали они, что вторая обязанность несравненно обширнее первой? Ведь потребности общества и частных лиц не ограничиваются одной безопасностью; есть также потребности материального благосостояния, нравственного и умственного развития, потребности сердца и мало ли каких других законных потребностей? Ясно, что кто говорит вторую фразу, тот в первой фразе слово «только» должен заменить словом «между прочим».

После этого не нужно нам и говорить о следующем объяснении: «государство есть только страж безопасности частных лиц»; его смысл зависит от слова «только», а мы сейчас видели, что оно должно замениться словом «между прочим». Но любопытно последнее объяснение. «Идеал государственной деятельности есть нуль, и чем ближе может она подойти к этому идеалу, тем лучше для общества». Опять, как не видеть, что это объяснение совершенно разрушает всю прежнюю теорию, по которой забота государства ограничивалась одною безопасностью? Вмешательство государства требуется тем чаще, чем больше совершается преступлений, чем чаще нарушается порядок. Каждому известно, что бедность, невежество, грубость нравов и разврат — главные источники преступлений и нарушений порядка; следовательно, чем больше забот будет употреблять государство на искоренение бедности, невежества, грубости нравов и разврата, тем менее будет ему хлопот, тем менее будет сумма его вмешательств.

Мы уже говорили об этом, приводя в пример Машу и ее мужа. Если самостоятельность общества действительно должна быть целью общественной теории, то очевидно, что этой цели можно достигнуть только покровительством всему, что содействует развитию самостоятельности,—

именно заботой об истреблении бедности, распространении просвещения, о смягчении нравов и об истреблении тех причин, от которых портится характер и получают фальшивое направление человеческие наклонности.

В странном виде излагается теория невмешательства государства в экономические отношения. К ней прилагаются объяснения, прямо ей противоречащие. Мы не можем осуждать ученых, бывших первыми ее основателями: они жили в другие времена, они не видели многих фактов, которые теперь перед глазами у каждого. Притом же Адам Смит и ближайшие его последователи вовсе не доходили до той односторонности, против которой восстаем мы. Но непростительно нашим современникам не хотеть замечать того, что каждому бросается ныне в глаза; непростительно искажать для поддержки ветхого те мысли, которые в свое время были двигателями прогресса.

Теория, провозглашавшая невмешательство правительства в экономические отношения, возникла в те времена, когда самая Англия, не говоря уже о континентальных государствах, страдала больше всего от обветшалых средневековых регламентаций. Эти регламентации поддерживались общественной властью. Как же было не говорить тогда умным и честным людям, что вмешательство общественной власти в экономические отношения вредит развитию промышленных сил? В самом деле, в большей части случаев оно было вредно; в самом деле, первой потребностью общества было избавиться от мелочной и нерассудительной опеки. С той поры обстоятельства во многом переменились. Как и в чем именно, об этом мы говорили уже много раз, да и каждому это больше или меньше известно. Заметим только один общий результат перемены. Читатель знает, что мы имеем в виду исключительно историю Западной Европы. На чем основываются теперь почти все стеснительные меры, принимаемые западными правительствами? Для всех их представляется исключительным оправданием общественная безопасность. Зачем, например, нужны паспорта при въезде в Папскую область, в Ломбардию, в Богемию, в Галицию? «Для общественной безопасности». Зачем нужен стеснительный надзор за жизнью частного лица в Вене, в Праге, в Милане? «Для общественной безопасности». Зачем содержится страшная армия в Австрии, которая едва ли имеет пять гульденов звонкой монеты? «Для общественной безопасности». Словом сказать, какая бы прицепка ни задела вас на континенте Западной Европы, нечего и спрашивать:

откуда она и зачем она? Знайте наперед, что ответ на все один: «это нужно для поддержания порядка и общественной безопасности».

Поэтому нам кажется, что теория, поставляющая исключительной заботой правительства охранение общественной безопасности, не *«совсем»* сообразна с обстоятельствами настоящего времени для Западной Европы. Фактическая сила правительства над обществом не зависит от теорий, она определяется нравами общества и его потребностями. Теория может только определять предметы, на которые следует обращаться этой силой. Каждому известно, какое действие производится сосредоточением силы в известном направлении, обращением ее деятельности на меньшее число предметов: чем меньше будет их, тем с *бóльшей* энергией станет охватывать их данная сила. Отсталые экономисты совершенно ошибаются, воображая, что изменяют пропорцию вообще между количеством правительственного вмешательства и количеством самодеятельности общества, когда настаивают на том, чтобы правительство занималось исключительно одним предметом, не касаясь других: сумма административного вмешательства остается все та же самая, только прилагается к одному предмету. Из пяти единиц составляется одна цифра пять, только в том и разница. Но нет, мы ошиблись. Чрезмерным и односторонним сосредоточением сил на одном предмете нарушается прежний общественный баланс. На что бы ни была обращена деятельность правительства, все-таки она постепенно изменяет своим влиянием нравы и потребности общества. Теперь спрашивается: одинаковы ли бывают результаты этого влияния, на какой бы предмет ни была обращена главная масса деятельности? Само собою разумеется, не все равно — гнуть ли на ту сторону, на которую и без того искривлен предмет, или на ту, от которой он уклонился.

Недостаток инициативы со стороны частной деятельности — вот по словам всех экономистов, даже и отсталых, главный порок всех обществ. В каких же сферах этот порок наиболее силен и в каких частная инициатива наиболее сильна? Все мы жалуемся на недостаток самостоятельности, предприимчивости, неослабного контроля со стороны частных лиц в экономической деятельности. Жалоба справедлива, но все-таки из десяти человек девятую своей головой думают о своих денежных делах, о своих экономических расчетах. То ли в административных, судебных, вообще политических делах? Какое влияние

и какую заботу имеет частный человек на континенте Западной Европы относительно полицейских распоряжений, административных мер, судебных решений? Все это делается без его воли, без его участия, да и внимание его пробуждается тут разве к тем случаям, от которых терпят его экономические интересы, да и то на минуту, без постоянства, без энергии. Потому надобно думать, что важнейший недостаток общественных нравов на континенте Западной Европы состоит именно в отсутствии самостоятельности по делу общественной безопасности. Не будь полиции, ни один квартал не справился бы с ворами; не будь своей армии, вторжение небольшого чужестранного войска было бы достаточно для покорения огромной области. Говорят, будто когда-то, в IV или V веке, толпа из 300 германских дикарей прошла всю нынешнюю Францию и чуть ли не всю Испанию, и все города на дороге платили ей дань; да, кроме того, перерезала она несколько десятков тысяч поселян. Теперь, конечно, не то; но, однакоже, после Ватерлооской битвы целая Франция покорилась несколькими десятками тысяч изнуренных солдат Веллингтона и Блюхера. Величайший негодяй, вредящий десяткам людей, подсмеивается над их негодованием, пока не попадаетеся в руки полиции каким-нибудь неловким поступком.

Не знаем, удалось ли нам передать читателю нашу мысль. Но мы хотели сказать, что какова бы ни была степень инициативы частной деятельности в экономической сфере, все же она безмерно больше, нежели та степень самостоятельности, какую внушают нравы Западной Европы частным людям относительно ограждения безопасности.

Поэтому надобно думать, что теория, сосредоточивающая на одном ограждении безопасности всю деятельность государства, ослабляя инициативу частной деятельности в этом отношении, стремится отнять у частного человека возможность и надобность в развитии его сил именно по тому направлению, в котором они наименее развиты. Говоря сравнением, эта теория связывает именно те органы индивидуальной деятельности, которые и без того уже слишком хилы от бездействия.

Вместо того чтобы проповедывать индивидуальную инициативу в экономических делах, при современном положении нравов гораздо полезнее было бы говорить о необходимости ее по исполнению задач общественной безопасности. Усиливая опеку по этим задачам через ограничение правительственной деятельности исключительно ими, теория невмешательства государства в экономи-

ческую деятельность отвлекает от них индивидуальную инициативу, и без того слишком слабую для них.

Правда, само управление составляет предмет желания даже и отсталых экономистов. Но они, обращая все свои мысли на его усиление в экономической деятельности, где оно и без того сильнее, чем в других сферах, поддерживают апатию общества в том направлении, где она всего заметнее и вреднее.

Из этого читатель видит, что мы недовольны теорией невмешательства власти в экономические отношения вовсе не потому, чтобы были противниками личной самостоятельности. Напротив, именно потому и не нравится нам эта теория, что приводит к результатам совершенно противным своему ожиданию. Желая ограничить деятельность государства одной заботой о безопасности, она между тем предаёт на полный произвол его всю частную жизнь, даёт ему полное право совершенно подавлять личность. В самом деле, чего нельзя оправдать под предлогом охранения порядка, и какие меры из всех, кажущихся стеснительными в глазах просвещенного человека, не представляются нужными для охранения общественной безопасности людям менее просвещенным? Реакция всегда являлась для поддержания общественной безопасности. Деспотизм, открытый нами в теории, виден на практике в обществах Западной Европы: повсюду были найдены необходимыми террористические меры для восстановления порядка. Надобно только вспомнить о последней половине 1848 и о следующих годах во Франции, Германии, Италии. Народные массы были взволнованы, и оказалось, что нечем укротить их, кроме физической силы. Почему же оказалось это? Потому что для удовлетворения их требований нужно было энергическое вмешательство западных правительств в экономические отношения, а теория отсталой экономической школы, господствовавшая в образованных классах, не допускала такого вмешательства.

При нынешнем положении дел в Западной Европе эта теория ведет к подавлению личности, к заменению законного порядка произвольными мерами, к превращению всей законодательной и административной силы в полицейский и военный надзор для усмирения и наказывания. Кроме Англии, ни одно из государств Западной Европы не могло бы сохранить своего настоящего устройства, если бы не опиралось на вооруженную силу. «Но по крайней мере в Англии общественное устройство поддерживается не вооруженной силой?» Так, но зато английские понятия об

отношениях государства к экономической деятельности частных лиц не похожи на теорию, которая господствует на континенте. Обыкновенно говорят, что в Англии правительство оставляет частному лицу гораздо более самостоятельности, нежели на континенте. Это правда, но, говоря о размере власти, забывают о распределении ее деятельности между разными отраслями общественной жизни. Полиция, администрация, суд — во всем этом государство на Великобританских островах имеет гораздо менее власти, нежели на континенте. Но в экономических отношениях оно оставило за собой гораздо больше власти, нежели сколько оставляется ему теорией *laissez faire, laissez passer* на континенте. Укажем один факт, безусловно осуждаемый всеми отсталыми экономистами: налог для пособия бедным. Мы согласны, что форма употребления этой подати нелепа; что же делать? Она сохранилась от средних веков, а в средних веках не было ничего соответствующего нынешним потребностям. Но мы говорим о принципе этой подати; «государство обязано давать средства для жизни каждому из своих членов». Там, где мог сохраниться этот принцип, несмотря даже на нелепость формы, в которую облечен, там, конечно, понятия об отношении государства к экономической деятельности должны быть совершенно не таковы, как теория безусловного невмешательства. В самом деле, английские экономисты не совсем похожи на тех отсталых французов, из которых обыкновенно почерпаются наши понятия о политической экономии. Эти англичане, в своем государстве считающиеся людьми совершенно мирными, могут удивить человека, начитавшегося одних только книжек школы Сэ. В пример мы укажем на Милля, который теперь считается первым экономистом в Англии. Мы слышали, что сочинение Милля переводится на русский язык⁵, и от души желаем скорого исполнения этой полезной мысли. Тогда русская публика увидит, что односторонние доктрины, против которых мы вооружаемся, не составляют сущности строгой экономической науки и должны считаться принадлежностью не всех вообще экономистов, а только отсталых французских писателей. Милль — человек совершенно спокойный, враг всяких фантазий и утопий, и никто в Англии не считает его ни врагом порядка, ни врагом науки; напротив, каждый находит, что он оказал ей больше услуг, нежели какой бы то ни было другой экономист настоящего времени. Каковы же понятия этого спокойного и серьезного ученого? Он говорит о ренте, о наследстве такие вещи, которые совер-

шенно противоречат последователям системы *laissez faire*, *laissez passer*. Он говорит, например, что наследство даже по прямой линии может быть ограничено законом без нарушения собственности; он говорит, что рента составляет собственность государства, а не частных лиц, и если частные лица пользуются ею, то это — монополия, уступленная им государством. Наконец, угодно ли знать, что говорит он вообще о нынешнем экономическом порядке? Вот что. Мы переводим несколько страниц из 1-й главы 2-й книги его сочинения.

«Противники принципа индивидуальной собственности могут быть разделены на два класса: теория одних предлагает безусловное равенство в распределении материальных средств к жизненным наслаждениям; другие допускают неравенство, но только такое, которое было бы основано на принципе справедливости или общей пользы, а не зависело бы только от случая, как многие из нынешних общественных неравенств.

Каковы бы ни были достоинства или недостатки этих различных теорий, по справедливости нельзя назвать их непрактичными. Обыкновенно представляют против системы общинной собственности и равного распределения произведений то возражение, что при ней каждый постоянно старался бы отвливать от своей доли работы. Но люди, делающие такое возражение, забывают, в каком громадном размере существует то же самое неудобство при системе, по которой производятся ныне девять десятых частей труда. Возражение предполагает, что честного и плодотворного труда должно ожидать только от людей, которые лично сами пользуются результатом своих усилий. Но какая ничтожная часть всего труда, производимого в Англии, производится людьми, трудящимися в собственную свою пользу? От человека, получающего самое низкое, до человека, получающего самое высокое жалование, от ирландского жнеца или посыльщика до верховного судьи или государственного министра, почти все люди, трудящиеся в обществе, вознаграждаются за работу поденной платой или определенным содержанием. Фабричный рабочий имеет в своей работе менее личного интереса, нежели член коммунистической ассоциации, потому что не трудится подобно ему для товарищества, в котором сам участвует. Скажут, что хотя большая часть работников и не имеет личного интереса в своем труде, но за ними наблюдают, управляют их трудом и исполняют умственную часть труда люди, имеющие в нем личный интерес. Нет, и это можно сказать далеко не обо всех делах. Во всех общественных и во многих, самых больших и самых успешных, частных предприятиях не только черная работа, но также контроль и управление вверены наемным людям. Я высоко ценю одушевление, придаваемое труду той перспективою, когда вся выгода или значительная часть выгоды от усердия в работе достается работнику. Но при настоящей системе производства это побуждение не существует в огромном большинстве случаев. Если бы коммунистический труд и был менее энергичен, нежели труд поселенника-собственника или ремесленника, трудящегося в свою собственную выгоду, то, вероятно, он был бы более энергичен, нежели труд наемного работника, вовсе не имеющего личной выгоды в деле. Небрежность работников составляет самую резкую черту в нынешнем устройстве общества.

Но недостоверно еще и то, чтобы труд коммунистического работника был менее энергичен, нежели труд человека, работающего в собственную

выгоду, как полагают люди, не привыкшие простираť мысль за границы того порядка вещей, который у них под глазами. Люди способны проникаться усердием к общему делу в гораздо большей степени, нежели как представляется возможным в настоящее время. История свидетельствует об успехе, с которым огромные массы людей могут быть направляемы к тому, чтобы каждый из них считал общественный интерес своим собственным. Самой удобной почвой для развития такого чувства была бы <коммунистическая> ассоциация: все честолюбие, вся физическая деятельность, обращенные теперь на эгоистические цели, должны были бы тогда искать себе занятия в другой сфере и натурально нашли бы его в заботе об общественной пользе. И независимо от этого общественного побуждения каждый член ассоциации возбуждался бы влиянием самого всеобщего и самого сильного из личных побуждений — влиянием общественного мнения. Никто не отрицает силу этого побуждения в отвращении людей от поступков, положительно осуждаемых обществом, и от пренебрежения правилами, соблюдения которых оно требует. Сила соревнования, возбуждающая к самым энергическим усилиям для приобретения похвалы и удивления от других, также очень велика, — это свидетельствуется опытом всех случаев, при которых бывает публичное соревнование между людьми, даже и в делах пустых или не приносящих пользы обществу. <Соревнование о том, кто больше сделает для общей пользы, принимается и коммунистами. Потому вопрос, уменьшится ли при коммунизме хотя на сколько-нибудь энергия труда, — вопрос спорный.>

Более серьезным затруднением представляется хорошее распределение труда между членами ассоциации. По какой норме будут соразмеряться различные роды труда? Кто будет судить, например, какое количество ткацкой работы будет равномерно известному количеству пахотной работы? Да и в одном роде трудно ввести равномерность. Номинальное равенство было бы в сущности неравенством, возмутительным для справедливости. Не каждый одинаково способен к всякому труду, и одинаковое количество труда ложится неровным бременем на слабого и сильного, бойкого и медленного. Эти затруднения действительно существовали бы, но можно победить их. Распределение труда соразмерно силе и способности каждого отдельного лица, смягчение общего правила для тех случаев, в которых оно было бы тяжело, — это не такие задачи, с которыми не мог бы справиться человеческий ум, руководимый чувством справедливости. Притом самое неудачное и самое несправедливое разрешение этих задач при системе, стремящейся к равномерности, было бы так далеко от того неравенства или несправедливости, с которой ныне распределяется даже самый труд (не говоря уже о распределении вознаграждения), что сравнительно с неудобствами нынешней системы об этих несовершенствах не стоило бы и говорить.

<Потому, если бы надобно было сделать выбор между коммунизмом со всеми его шансами и между настоящим экономическим порядком со всеми его беспорядками и несправедливостями, когда продукты труда распределяются почти в обратном отношении к труду: самые огромные части произведений труда достаются тем, которые вовсе не трудятся, потом самые большие тем, труд которых совершенно номинальный, и т. д., по нисходящей лестнице, с уменьшением вознаграждения по мере усиления труда, до той последней степени, что самый утомительный и изнурительный физический труд не может рассчитывать, наконец, даже на приобретение необходимого пропитания себе, — если бы надобно было делать выбор между таким порядком вещей и коммунизмом, то каковы бы ни были неудобства коммунизма, — велики или малы, все равно, — они были бы не больше как пылинкой на весах>.

Но, — продолжает Милль, — можно предположить и при господстве частной собственности порядок вещей лучше того, какой видим теперь. В чем состоят перемены, возможные, по мнению Милля, в устройстве частной собственности, мы предоставим читателю искать в самом сочинении Милля. Можем только сказать, что его система не менее коммунизма противна духу отсталой школы, против которой мы спорим: читатель поверит нам, вспомнив хотя о двух частностях, на которые мы уже указывали: на мнения Милля о ренте и о наследстве. Можно кстати прибавить, что в качестве англичанина, более всего думая об Англии, он имеет решительную наклонность желать экспроприации английских землевладельцев. Но все это вещи для нас посторонние. Далее он говорит, что в социализме не применяются и те возражения, которые имеют хотя мнимую силу против коммунизма, и заключает свой обзор следующими словами:

«Даже из нашего краткого очерка должно быть очевидно, что эта система не нарушает ни одного из общих законов, которым подчиняется человеческая деятельность, даже при настоящем несовершенстве нравственного и умственного развития; и что было бы чрезвычайно опрометчиво сказать, будто она не может иметь успеха или не может осуществить значительной части надежд, основываемых на ней ее последователями» *.

«Относительно всех оттенков социализма надобно желать того, чего он справедливо требует, — надобно желать ему испытания на деле. Опыты могут производиться в умеренном объеме без всякого личного или денежного риска для кого бы то ни было, кроме лиц, участвующих в опыте. Опыт должен решить, до какой степени и скоро ли та или другая система общей собственности способна заменить собой нынешний порядок дел, основанный на частной собственности.»

Мы привели этот довольно длинный отрывок только для того, чтобы показать, как далеко истинно современные экономисты расходятся в своих понятиях с узколобой школой разных отсталых французики, из книжонок которых обыкновенно почерпаются пышные речи нашими доморощенными противниками общинного владения. Нас упрекают в том, что мы отвергаем «научные истины»: помилосердуйте над этим серьезным термином, милостивые государи, скажем мы в ответ; не профанируйте его приложением его ко всякой ветхой дряни, которую провозглашает какой-нибудь поверхностный или недоучившийся французский пустослов. Какой науки хотите вы искать

* Principles of Political Economy by John Stuart Mill. London. 1857. Часть первая, стр. 246—254 и 263.

у Коклена и Гильйомена? Какая наука согласится иметь своими представителями Бодрильяра или Гарнье? Успокойтесь, милостивые государи! Вовсе не над наукой мы смеемся, а только над ветхой дребеденью, которая вовсе не пользуется одобрением истинно ученых экономистов, думающих своей головой, а не головой стародавних учителей, которые жили в другие времена, были представителями других обстоятельств и других потребностей.

Если мы спорим против теории *laissez faire, laissez passer*, то спорим против нее главным образом как против утопии, недостижимой при нынешнем положении общественных нравов, при котором государство по необходимости имеет очень значительную силу над частной жизнью. Главным источником такой силы мы считаем непривычку частных людей к инициативе. Печальнее всего этот недостаток частной инициативы проявляется именно в той отрасли жизни, которая отдается под безусловную опеку государства теорией его невмешательства в экономические отношения: частная инициатива слабее всего в деле охранения безопасности.

Мы думаем, что если государственная забота будет разделяться на все отрасли жизни, а не сосредоточиваться на одной этой, частная инициатива будет иметь более побуждений к развитию той своей функции, которая до сих пор оставалась особенно слаба. Мы думаем, что деятельность государства в экономической сфере вовсе не так опасна для личной самостоятельности, как в деле охранения безопасности, потому что в экономической сфере частная инициатива чрезвычайно сильна и не может быть подавлена никаким вмешательством. Словом сказать, мы так же сильно хлопчем о развитии личной самостоятельности, как самые рьяные приверженцы отсталой школы; мы думаем только, что наш принцип для развития личной самостоятельности благоприятнее, нежели система *laissez faire, laissez passer*. Мы уже показали, что в теории она ведет к поглощению личности государством, а на практике служит оправданием для реакционного терроризма. Именно поэтому мы отвергли ее, и теперь пора нам заняться изложением тех понятий, которые кажутся нам менее опасными для личной самостоятельности и более рассудительными.

Первое правило рассудительности — принимать в соображение факты. Итак, мы выходим от того факта, что государство существует и пользуется огромной силой. Каковы наши идеалы, теперь не об этом речь. Мы только

рассматриваем, какое распределение государственной власти по разным отраслям жизни неизбежно при данном состоянии общественных нравов; мы принимаем государство и его огромную силу как факт и должны только объяснить себе происхождение и смысл этого факта.

Для чего возникает государство и правительство, служащее органом его? Некоторые предполагают для государства цель более высокую, нежели потребности отдельных лиц, — именно осуществление отвлеченных идей справедливости, правды и т. п. Нет сомнения, что из такого принципа очень легко выводить для государства права более обширные, нежели из другой теории, которая говорит только о пользе частных лиц; но вообще мы держимся последней и выше человеческой личности не принимаем на земном шаре ничего. Будем же говорить об обязанности государства с этой точки зрения, которую принимают почти все экономисты, и в том числе все экономисты отсталой школы. Государство, по нашему мнению, существует только для блага частных лиц; в этом не станут спорить с нами люди, осуждающие нас за привязанность к общинному владению. Теперь предложим несколько вопросов. В чем поставили мы источник и цель правительства? В пользах индивидуального лица. Каких же именно мер могут требовать эти пользы, и к каким отраслям жизни могут относиться обязанности содействовать этим пользам? Само собой разумеется, тут а priori ничего нельзя определить, все будет зависеть от обстоятельств. Мало ли как изменяются надобности и желания человека! Тут границ разнообразию не может быть определено никаких, кроме самого слова «польза». Как же теперь и определить обязанности государства каким-нибудь другим термином? Всякое другое определение не будет соответствовать самому понятию о сущности государства: зачем оно существует, если не для пользы людей? А если существует оно для этой цели, то, конечно, должно удовлетворять всему, что требуется понятием пользы.

Есть разные теории о том, что полезно для людей. Смотря по тому, какую теорию вы примете, будут изменяться ваши понятия об обязанностях государства. Но разница между заслуживающими внимания теориями человеческих потребностей состоит не в том, чтобы одна исключала какие-либо частные средства или деятельности из сферы жизни, а другая принимала их; нет, разница только в том, что, перечисляя разные потребности человека, одна теория выше ставит одни, другая другие; например, по

одной теории на первом месте стоит материальное благосостояние, по другой — нравственное развитие и так далее.

Нам кажется, что теоретические споры об этом не совсем рассудительны: есть довольно много потребностей, одинаково важных с общей точки зрения, и та или другая берет перевес над остальными только на время, по стечению обстоятельств, а с изменением их уступает первенство какой-нибудь другой; следовательно, решение принадлежит уже только практике, зависящей от обстоятельств, а вовсе не теории.

«Но по крайней мере в практике для настоящего времени какую потребность считаете вы настоятельной?» Едва ли рассудительно было бы сказать, что следует считать только одну; скорее можно думать, что при нынешнем положении дел равно настоятельны три потребности: улучшение материального быта массы, расширение просвещения и увеличение индивидуальной самостоятельности. Однакоже, чтобы приблизиться к желаниям экономической школы, отсталые мнения которой мы опровергаем, и чтобы показать необходимость нашего вывода даже при отправлении с точки зрения, по-видимому, самой невыгодной для него, мы согласимся, что потребность индивидуальной самостоятельности составляет главную черту нынешнего положения дел.

Будем же рассуждать, основываясь на принципе развития индивидуальной самостоятельности. Пусть круг действия государства будет определяться преимущественно этой потребностью. Каково будет в таком случае отношение государства к экономической деятельности? Будет ли отвергнута инициатива со стороны государства в экономической сфере?

Ныне, каждый говорит, что все отрасли жизни тесно связаны. Открытие, сделанное ученым, производит переворот в материальном быте; увеличение благосостояния поднимает науку; постройка железных дорог изменяет общественные нравы. Толковать об этом даже скучно, потому что эту мудрость найдете вы в каждом пустейшем фельетоне. Но из этого ясно, что какая бы сфера жизни ни должна была служить коренным поприщем какой-нибудь инициативы, все-таки не останется ни одной сферы жизни, которая могла бы укрыться от действия этой инициативы. Возьмем, например, случай, относящийся прямо к вопросу о личной юридической самостоятельности. В уничтожении крепостного состояния дело идет коренным образом о воз-

вращении гражданских прав людям, которые до сих пор не признавались самостоятельными членами общества. Сомнение тут невозможно: сущность дела состоит в приобретении гражданских прав, в приобретении самостоятельности бывшими крепостными крестьянами; основание вопроса чисто юридическое. Но что же мы видим? С переменой юридических отношений неразрывно соединена экономическая перемена; в юридическом вопросе является экономическая сторона и оказывается столь важной, что совершенно заслоняет собой юридическую сторону от внимания общества. И не думайте, чтобы одно это дело было таково; ныне во всех делах экономическая сторона очень важна. Например, хотя бы дипломатические отношения. Никто не станет отнимать у правительства власти давать аудиенции иностранным посланникам и говорить с ними; но десять слов, сказанных Наполеоном III Губеру на новый год, отняли у европейских капиталистов в одну неделю четыреста миллионов рублей. Не двинулся еще ни один французский солдат к австрийским границам, произнесена была только одна фраза, — и курсы фондов понизились настолько, что тысячи людей сделали богачами, десятки тысяч разорились, сотни тысяч потеряли пятидесятую, двадцатую или даже пятую часть своего состояния. Не употребляйте тут, если не хотите, слово конфискация, но результат фразы, в которой не было ни малейшего намека о промышленности или торговле или о каком-нибудь имуществе, равнялся результату, какой могла бы иметь только самая колоссальная конфискация. «Но это — случай чрезвычайный». Обратимся к обыденным административным и законодательным мерам, которые возникают каждый день, — мы также увидим, что каждая из них производит соответствующую перемену в экономических отношениях. Положим, например, что в Петербурге решено ввести газовое освещение на всех улицах. Наверное, ни один экономист не скажет, что городское начальство или центральное правительство выйдет из круга прямых своих обязанностей, заботясь об освещении города. Но если осветятся газом Коломна и Выборгская сторона, без всякого сомнения цена квартир там несколько поднимется: полицейское распоряжение подарило домохозяевам этих частей выигрыш на доходе в несколько сот тысяч, а на капитале в несколько миллионов. Кончилось ли тем дело? Нет. Число квартир осталось прежнее, число жителей Петербурга также, следовательно пропорция между запросом и предложением квартир по целому

городу осталась одна и та же; но в некоторых частях запрос усилился; очевидно, что он должен в соответственной степени ослабеть в других частях. И действительно, каждый вновь желающий поселиться в Коломне или на Выборгской стороне выбывает из числа желающих оставаться в первой Адмиралтейской или в Литейной части. Уменьшение запроса производит понижение ценности. Сумма уплат за квартиры осталась в целом Петербурге прежняя. Ясно, что она уменьшилась в некоторых частях, если увеличилась в других. Освещение газом Коломны и Выборгской стороны имеет тот же экономический результат, какой имела бы передача домохозяевам этих частей нескольких миллионов, взятых у домохозяев тех частей, которые уже и прежде имели хорошее освещение. Другой пример. Предположим, что правительство упрощает формы делопроизводства. Мы не говорим уже о том, что через это уменьшается масса чиновников: положим, что люди служащие, по необходимости находясь в прямой экономической зависимости от каждой административной меры, не должны приниматься в расчет; но каково влияние упрощения переписки на экономический быт частных людей, не находящихся на службе? Вести дела стало легче, решаются они скорее, ход их понятнее, стало быть, меньше расходов и меньше хлопот каждому, имеющему какое-нибудь дело с полицией, администрацией или судилищем. А из десяти человек девятая имеют в год хотя одно какое-нибудь дело до власти. Следовательно, все они что-нибудь выигрывают в денежном отношении. Кончилась ли этим экономическая перемена? Опять-таки нет. Если дела ведутся яснее, проще и короче, уменьшается надобность в ходатаях, следовательно теряют все те, которые прежде жили запутанностью и медленностью делопроизводства. Вы скажете: «это и прекрасно: пусть уменьшаются выгоды людей, живущих за счет других». Я согласен, но замечаю, во-первых, что именно таков смысл всех доктрин, желающих разумного участия государства в экономических делах и отвергающих формулу *laissez faire, laissez passer*. Во-вторых, как бы то ни было, а все-таки упрощением делопроизводства передавалась бы одному разряду людей очень значительная масса доходов, теряемых другим разрядом людей.

Но едва ли не напрасно мы говорим о том, что каждое действие государственной власти, к какой бы сфере ни относилось оно прямым образом, к военной или дипломатической, к полицейской или судебной, непременно про-

изводит соответствующую перемену в экономических отношениях, непременно сопровождается передачей известной массы дохода и, следовательно, капитала из рук одних частных людей в руки других частных людей,— напрасно выставляли мы эту сторону всех без исключения правительственных действий в доказательство того, что экономическая сторона частной деятельности никак не может не находиться в огромной зависимости от правительства. Есть другой факт, прямым образом устанавливающий эту зависимость. Никто еще никогда не сомневался в неизбежной связи идеи государства с идеей налогов и податей. Формы государственной власти могут быть чрезвычайно различны, состав бюджета также, но всегда и везде государственная власть имела в своем распоряжении бюджет, везде она определяла налоги и подати, везде определяла предметы их расходования. В этом отношении все равно,— неограниченный ли монарх или конституционный парламент или собрание всего народа называется государственной властью; во всяком случае каждый частный человек должен платить налоги и подвергаться пошлинам, какие установит государственная власть. Надобно ли говорить, в какую великую зависимость от государства ставится через это имущество каждого частного человека и вся его экономическая деятельность? Конфискация — слово ненавистное; но что в ней ненавистного и несправедливого? То, что известное лицо подвергается исключительной мере, не касающейся других; ненавистно и несправедливо то, что с одним поступают не так, как со всеми другими. Конфискация — обратная сторона привилегии. Но если государство поступит несправедливо, предоставив мне одному право пользоваться выгодами, например, торговли с Англией или с Францией, то поступает ли оно дурно, предоставляя каждому своему подданному право вести заграничную торговлю и пользоваться ее выгодами? Ненавистны и несправедливы всякие исключительные меры, обращенные на одно лицо в его выгоду или невыгоду, все равно. Но когда налог одинаково ложится на всех, до кого может касаться, в нем нет несправедливости, это всеми признано. А между тем что такое делает налог? Он берет у частного лица в пользу государства известную долю доходов, то есть известную долю капитала. Если у меня триста десятин земли, дающих каждая по четыре рубля дохода, то для меня все равно, будет ли учрежден налог в один рубль на десятину или прямо была бы взята у меня четвертая часть моей земли: за уплатой налога из

1 200 руб. у меня останется дохода девятьсот рублей; если бы у меня прямо было взято 75 десятин, результат был бы тот же: 225 десятин, оставшиеся у меня и избавленные от налога, давали бы также 900 рублей. Доход был бы одинаков, следовательно и капитал был бы одинаков. В самом деле, давая мне такую цену, чтобы получить с купленного имущества 5 процентов, покупатель дал бы мне за каждую десятину только по 60 руб., когда остается дохода по 3 руб. с десятины, то есть за триста десятин дал бы мне только 18 000 руб.; а если с десятины остаются все 4 рубля дохода, он дал бы за десятину по 80 руб., то есть мои 225 десятин имели бы ту же самую ценность, 18 000 руб. В экономическом отношении налог совершенно равняется тому, как если бы соответственная доля имущества была обращена из частной собственности в государственную.

Если государство беспрекословно пользуется правом присваивать себе посредством налога такую часть имущества, какую почтет удобным, то возможно ли рассудительному человеку, понимающему экономическую сущность налога, сомневаться в праве государства обращать на экономические отношения действие своей власти гораздо более медленное и далеко не столь резкое, именно принимать законодательные меры, какие требуются улучшением быта массы?

Мы говорили о бюджете доходов. Еще поразительнее действие бюджета расходов. (Посредством налога государство берет только такую часть имущества, какая кажется ему нужной; но оно еще не говорит частному отдельному лицу: «ты можешь заниматься таким-то делом или ты не можешь заниматься им; я тебя делаю богачом или лишаю тебя всего состояния». Бюджет расходов производит такое действие.) Многие лица, не имеющие никакого состояния, получают из государственного бюджета богатые средства для жизни. Мало того, что бюджет дает содержание по несколько тысяч или по несколько десятков тысяч в год тем лицам, которых правительство считает достойными такого содержания, — бюджет во всех государствах служит одним из главных источников возникновения наследственных колоссальных богатств. Подрядчики, поставщики, «откупщики» — все это создания бюджета. (Не только у нас, но и) в Западной Европе почти все громадные богатства приобретены частными людьми или прямо от бюджета или по крайней мере благодаря покровительству государства. Почти вся без исключения земельная собственность (и) в Западной Европе (и у нас)

произошла от пожалований правительства. (В Западной Европе это было давно, однакоже памятно всем. У нас не очень давно, но как-то не столь живо помнится. Впрочем, довольно спросить нам наших отцов и дедов, чтобы узнать, откуда возникли все колоссальные поместья.) Но что говорить о недвижимой собственности, когда в прямой зависимости от бюджета находится даже промышленная деятельность множества лиц? Возьмем в пример хотя суконные фабрики. Что, если бы государству вздумалось одевать солдат вместо суконного платья в бумажное? Кажется, тут не может быть спора о границах его власти: форма мундира, конечно, зависит от правительства. Но от замены суконной шинели плисовой шинелью на вате прямо погибли бы многие суконные фабриканты. Возьмите какую угодно другую статью государственного расхода, и вы увидите, что на ней держится экономическая деятельность множества людей и что перемена в ней будет прямым уничтожением многочисленных состояний, прямым прекращением целых отраслей прежней экономической деятельности.

Если бы государство совершенно не хотело бы вмешиваться в экономические отношения, оно никак не могло бы избежать чрезвычайно сильного влияния на них; бюджет расходов развивает экономическую деятельность в известных направлениях, бюджет доходов ставит в прямую зависимость от государства все без исключения частные имущества и доходы и, наконец, всякое законодательное постановление, всякое изменение судостроительства, всякая административная или судебная мера имеет своим последствием перенесение известной суммы имущества из одних рук в другие. Это факт неизбежный, неотвратимый никакой теорией науки, никакими желаниями самого правительства. После того люди, толкующие о невмешательстве государства в экономические отношения, непохожи ли на того господина, который толковал о букашках, не замечая слона? Если государство имеет право вести войну, выбирать источники для составления бюджета своих доходов, употреблять, как ему покажется нужным, собираемые им суммы,— если оно таким образом имеет власть над сотнями и тысячами миллионов, то какая тут может быть речь о независимости частной экономической деятельности от государства? Будем говорить откровенно: значительнейшая часть всей экономической деятельности общества находится в прямой зависимости от правительства. Будут ли понимать экономисты, будет ли думать са-

мо государство, что оно должно иметь сильное влияние на частную экономическую деятельность, это все равно: во всяком случае все имущественные отношения частных лиц будут зависеть, как всегда зависели, от государственной власти.

Но есть большая разница в том, сознано ли значение факта, или он происходит бессознательно. Если бы брамин сознавал, что он в каждом глотке воды поглощает миллионы живых существ, он, вероятно, не остановился бы опасением наступить на какую-нибудь букашку своей ногой, когда нужно спешить, чтобы вытащить утопающего из воды. Если бы экономисты отсталой школы понимали неизбежность влияния государства на экономические отношения, они, вероятно, вместо пустых толков об утопической системе невмешательства занялись бы определением истинно полезных предметов и действительно разумных границ для неизбежного вмешательства. Мы попробуем сделать это, принимая за основу тот факт, что государство существует для блага индивидуальной личности. Прежде всего мы рассмотрим, в каком направлении должно производиться влияние государства на распределение имущества в обществе для принесения людям наибольшей выгоды.

Предположим, что у Ивана есть доход в 50 рублей; предположим, что у Петра есть доход в 500 рублей; предположим, что кто-нибудь должен поручить другому лицу дело, дающее 100 рублей дохода: кому из двух, Ивану или Петру, будет выгоднее такая прибыль? Через прибавку 100 рублей доход Петра увеличится всего только на пятую долю, а доход Ивана увеличится в три раза. Ясно, что поручить это дело Ивану — значит принести человеку гораздо более пользы, нежели поручить его Петру. Берем другой случай. Предполагаем, что существует десять человек, имеющих каждый по 50 рублей дохода; предположим, что есть дело, дающее 500 рублей дохода; спрашивается, лучше ли будет сделать участниками в этом деле всех десятерых или поручить его одному? Если поручить одному, он выиграет чрезвычайно много, но выиграет он один; если сделать участниками всех десятерых, состояние каждого улучшится вдвое. Положим, что мы еще не можем из этого решить, какой способ лучше, и поручили все дело одному. Но вот встречается опять подобное дело: если мы поручим его одному тому, кому поручали прежнее дело, его положение улучшится менее нежели вдвое (он имел уже 550 рублей, теперь будет иметь 1050); если же пору-

чить дело остальным девяти, состояние каждого из них улучшится более чем вдвое (каждый имел по 50, теперь будет иметь по $105\frac{1}{2}$ рублей). Ясно, что лучше дать девятарым с лишком вдвое, нежели дать одному менее чем вдвое; ясно, значит, что и в первый раз полезнее было бы призвать к участию всех десятерых, а не сосредоточивать выгоду на одном. Мы говорили о выгодах, теперь подумаем об убытках. Предположим опять Ивана с 50 рублями дохода и Петра с 450 рублями; предположим, что нам нужно получить 100 рублей и что мы имеем право взять их с того и с другого в какой нам угодно пропорции. Если мы разделим требование на обоих поровну, то оказалось бы, что, взяв с Ивана 50 рублей, мы оставили его решительно без копейки, а между тем у Петра взяли только одну девятую часть его доходов. Тут явная неравномерность в обременении. Справедливее будет взять с обоих в равной пропорции, то есть с Ивана только 10, а с Петра 90 рублей. Быть может, если бы мы ближе всмотрелись в необходимые надобности того и другого, мы увидели бы, что можно найти пропорцию еще более справедливую; но пока довольно для нас и того: мы уже видим, каково должно быть вообще влияние государственного участия на экономические отношения. Оно должно стремиться к тому, чтобы выгоды общественной жизни распределялись между членами общества как можно равномернее, а убытки ложились на тех, кто легче может их вынести. Только в этом направлении можно доставлять людям при данном размере национального богатства наибольшую сумму благосостояния.

В этом согласны с нами даже экономисты отсталой школы; но теперь мы должны перейти к предмету, в котором расходимся с их теорией. Определив направление непосредственного участия государства в частных делах, надобно решить вопрос: нуждается ли экономическая деятельность частных людей в прямом содействии государственной власти?

«Как это можно? — кричат экономисты отсталой школы, — такое вмешательство нарушило бы естественный ход вещей. Пусть вещи идут естественным порядком. Насиливать природу нельзя. Всякая искусственность вредна. Искусственными средствами вы ничего не достигнете. Оставьте действовать природу вещей; она лучше вас знает, как и что делать. Неужели вы хотите свой ограниченный ум поставить судьей природы и переделывать ее по вашим теориям?»

Слова эти очень громки и милы, а главное — очень успокоительны. Смысл их таков: будьте людьми, которые, по выражению Гоголя, смотрят на мир, ковыряя пальцем в носу. Но дело в том, что они основаны на гипотезе, которую мы не обязаны принимать без проверки. «Невозможно и вредно переделывать природу вещей». Почему же так? «Потому что в природе все устроено наилучшим образом, так что потребности человеческой природы находят себе наилучшее возможное удовлетворение в случайном сцеплении обстоятельств, так что рассудку не остается надобности и хлопотать об изменении этих обстоятельств для приведения их в лучшее соответствие с потребностями человека». Мы посмотрим, верна ли эта гипотеза.

Все в природе устроено наилучшим образом, — не знаю, с какой точки зрения это справедливо; а с точки зрения человеческих потребностей и удобств оказывается вовсе не то. Например, теперь хлопочут о прорытии Суэзского и Панамского перешейков, — ясно, что эти перешейки чему-то мешают. Французы сверлят в южной половине Алжирии артезианские колодцы, — надобно полагать, что воды в тех местах меньше, нежели нужно человеку. Да что говорить о таких мелочах! Риттер и Гумбольдт давно показали, что расположение Алтайских гор на юге Сибири вовсе неудобно для сибиряков, которым было бы лучше защищаться горами от полюса; они же говорят, что если бы море раздробляло Азию на такие же мелкие куски, как раздроблена Европа, то для азиатцев было бы гораздо лучше. Африкой они решительно недовольны; и если бы только дать им волю, всю бы ее исполосовали длиннейшими и широчайшими заливами, устроили бы в ней по крайней мере два или три Средиземных и Балтийских моря. Нельзя сказать, чтобы они во всем были довольны и Европой: по их мнению, жаль, что горы у ней на юге, а не на севере. Если б их воля, они перенесли бы Балканы в Олонецкую губернию. Это, конечно, не скоро удастся сделать; но что могут, то делают люди, чтобы переработать природу по-своему. Где могут, они стараются осушать болота, поправлять течение рек, очищать их устья, строить плотины, проводить каналы и мало ли чего они не делают. Им, видите ли, без этих переделок неудобно жить. Да и что такое вся экономическая деятельность, как не переработка природы для удовлетворения человеческим потребностям? Надобно человеку есть, — ему приходится пахать землю; да еще мало того, что пахать, надобно удобрять ее, надобно переделывать почву. Хочется человеку укрыться от непо-

годы,— опять оказывается, что природа не приготовила для него ничего, кроме пещер, и приходится опять-таки переделывать природу, строить себе жилище. И до чего доходит человек! Отвратительно и подумать: даже те вещи, которые в природном виде могли бы быть для него полезны, он находит все еще неудовлетворительными и старается улучшить их по своим узким соображениям. Например, есть на овце натуральное руно, он этой шерстью не доволен: говорит, будто она груба; начинает перевоспитывать овец, разводит искусственную породу мериносов. Можно питаться говядиной,— он опять-таки находит, что надобно переделать коровью породу, чтобы мяса было больше и чтобы оно было вкуснее. Словом сказать, до чего ни дотронется человек, все не по нем, все не так, все надобно переделывать. Одно из двух: или весь род человеческий с той поры, как начал пахать землю, сумасбродствует и куралесит, или в самом деле внешняя природа неудобна для его потребностей, и надобно ему сильно ее переделывать. Вот вам уже и создается «искусственный» порядок вещей, которого не хотят допускать отсталые экономисты. По-нашему, если вооружаться против искусственности, пусть бы воевали не против системы Овэна или Луи Блана, а против утопистов, удобряющих свои поля или хотя бы и без удобрения пашущих землю,— ведь это тоже «насилование натурального порядка».

Человеческое общество развилось под влиянием внешней природы. Мы уже видели, что устройство внешней природы не совсем удовлетворительно для человеческих потребностей; из этого прямо следует, что развитие, происшедшее под влиянием невыгодной обстановки, не может вполне удовлетворять потребностям человека и нуждается в исправлениях, предписываемых рассудком. Самым общим следствием неполной сообразности устройства природы с потребностями человека является недостаточность средств, предлагаемых природой для удовлетворения его потребностей. По натуре своей человек склонен к доброжелательству относительно других людей; но себя каждый любит более всего на свете. Каждый хочет удовлетворить своим потребностям; а средства, предлагаемые природой, для удовлетворения всех людей не окажутся достаточными; из этого возникает вражда между людьми, расстройство лежащего в человеческой природе взаимного доброжелательства. Столкновение интересов приводит к необходимости установить с общего согласия правила, определяющие отношения между людьми в разных сферах их

деятельности. В каждом обществе необходимы правила для государственного устройства, для отношений между частными людьми, для ограждения тех и других правил. Таким образом возникают законы политические, гражданские и уголовные. Дух и размер этих законов могут быть при различных состояниях общества чрезвычайно различны; но без законов, в том или другом духе, в том или другом размере устанавливаемых рассудком и изменяющихся сообразно с обстоятельствами, не может обойтись общество, пока существует несоразмерность между средствами удовлетворения человеческих потребностей и самими потребностями.

Для каждой сферы общественной жизни существуют свои особенные законы: есть правила, определяющие семейную жизнь (законы о браке, об отношениях мужа и жены, родителей и детей); есть правила для развития умственной жизни (законы о воспитании и преподавании); есть правила для отношений между независимыми людьми в государственной их деятельности (законы о правах личности и о степени ее участия в государственной жизни); есть законы для политической деятельности (законы о государственных учреждениях, о формах законодательства и администрации). Каждая из этих сфер жизни имеет свои особенные законы, устанавливаемые рассудком, зависящие от воли общества, изменяющиеся сообразно перемене обстоятельств: как же не иметь таких законов самой важной из всех деятельностей, как не иметь их экономическому производству? Если б оно не имело их, этим нарушалась бы аналогия его с другими деятельностями, нарушался бы основной принцип существования общества, который — одно и то же с существованием законов. Мы видели, что для каждой деятельности не только должны существовать законы, но именно должны существовать специальные законы, относящиеся только к ней и не касающиеся других деятельностей. Для семейного быта неудовлетворительны законы, определяющие вообще отношения между частными людьми по их политическим правам; и наоборот, для политических отношений между независимыми людьми неудовлетворительны семейные законы. Опять было бы странным нарушением и аналогией с другими деятельностями, и основного общественного принципа, если бы экономическая деятельность не нуждалась в своих специальных законах, могла бы удовлетворяться теми правилами, какие существуют для других деятельностей.

Мы видели первую причину для необходимости экономических законов — несоразмерность средств, предлагаемых внешней природой, с потребностями человека. Дисгармония между условиями общей планетной жизни и частными нуждами человеческой жизни представляется первым обстоятельством, требующим вмешательства рассудка для облегчения этой дисгармонии, для смягчения этих столкновений. Вторым источником является дисгармония в самой человеческой природе.

Нет сомнения в том, что по сущности своей природы человек есть существо стройное и согласное в своих частях. В этом убеждает нас и аналогия с другими животными организмами, которые не носят в себе противоречий, и самый принцип единства органической жизни в каждом организме. Но под влиянием противных потребностям человека условий внешней природы самая жизнь человека подвергается уклонениям, и развиваются в ней самой противоречия. Различные потребности, разжигаемые недостатком нормального удовлетворения, достигают крайностей, вредных для самого человека. Все эти крайности еще более искажаются и преувеличиваются влиянием тщеславия, составляющего искажение основного чувства человеческой природы, чувства собственного достоинства. Таким образом, человек подвергается внутреннему расстройству от пороков и экзальтированных страстей. Условия, в которых мы живем, так неблагоприятны для коренных потребностей человеческой природы, что самый лучший из нас страдает этими недостатками. Не забудем, что коренной источник их — несоразмерность средств к удовлетворению с потребностями — имеет чисто экономический характер; из этого уже легко сообразить, что пороки и экзальтированные страсти должны самым прямым образом отражаться в экономической деятельности, да и самые действительные средства против них должны заключаться в экономической области: ведь надобно обращаться против зла в самом его корне, иначе не истребишь зла. Теперь, если эти противные человеческой природе элементы усиливают необходимость законов для каждой сферы общественных отношений, то каким же образом могли бы оставаться чужды подобной необходимости экономические отношения?

Таким образом, если мы взглянем на вопрос с общей теоретической точки зрения, то мнение, будто бы экономическая деятельность не нуждается ни в каких положительных законах, когда остальные деятельности нужда-

ются в них, представится нам чистою нелепостью, нарушением всякой аналогии между проявлениями человеческой деятельности в разных сферах и противоречием основному принципу общества.

Если бы мы хотели придавать какую-нибудь важность разноречию или согласию истинных понятий с мнениями отсталых экономистов, мы остановились бы на этом фазисе человеческого существования, на фазисе, обнаруживающем нелепость отсталой школы экономистов для нашего времени. Если бы мы обращали сколько-нибудь внимания на их суждения о нашем образе мыслей, мы также остерегались бы высказать наши понятия о том, каков должен быть окончательный результат настоящего экономического движения. Но для нас все равно, будут ли называть нас отсталые люди обскурантами, реакционерами или утопистами; и мы так убеждены в нелепости их принципа для нынешней цивилизации, что охотно покажем, когда этот принцип приобретет возможность разумного приложения к жизни; соглашаясь на его возможность в чрезвычайно отдаленном будущем, чрез то самое заслужим имя мечтателей у людей, держащихся его в настоящем.

Мы видели, что необходимость законов возникает из несоразмерности человеческих потребностей с средствами удовлетворения. Один из самых избитых трюизмов состоит в том, что человек все больше и больше подчиняет себе природу. Когда одно из данных количеств остается неизменным (силы природы), а другое (силы человека) постоянно возрастает и притом чем далее, тем быстрее, то простое арифметическое соображение показывает нам, что второе количество с течением времени необходимо сравняется с первым и даже превзойдет его. Таким образом, мы принимаем за арифметическую истину, что со временем человек вполне подчинит себе внешнюю природу, насколько будет \langle это \rangle ему нужно, переделает все на земле сообразно с своими потребностями, отвратит или обуздает все невыгодные для себя проявления сил внешней природы, воспользуется до чрезвычайной степени всеми теми силами ее, которые могут служить ему в пользу. Этот один путь уже мог бы привести со временем к уничтожению несоразмерности между человеческими потребностями и средствами их удовлетворения. Но достижение такой цели значительно сократится изменением в размере и важности разных человеческих потребностей. С развитием просвещения и здравого взгляда на жизнь будут постепенно ослабевать до нуля разные слабости и пороки,

рожденные искажением нашей натуры и страшно убыточные для общества; будет ослабевать и общий корень большинства этих слабостей и пороков — тщеславие. Итак, с одной стороны, труд будет становиться все производительнее и производительнее, с другой стороны, все меньшая и меньшая доля его будет тратиться на производство предметов бесполезных. Вследствие дружного действия обоих этих изменений люди придут когда-нибудь к уравновешению средств удовлетворения с своими потребностями. Тогда, конечно, возникнут для общественной жизни совершенно новые условия, и между прочим, прекратится нужда в существовании законов для экономической деятельности. Труд из тяжелой необходимости обратится в легкое и приятное удовлетворение физиологической потребности, как ныне возвышается до такой степени умственная работа в людях просвещенных: как вы, читатель, перелистываете теперь книгу не по какому-нибудь принуждению, а просто потому, что это для вас занимательно и что было бы для вас скучно не посвящать чтению каждый день известное время, так некогда наши потомки будут заниматься материальным трудом. Тогда, конечно, производство ценностей точно так же обойдется без всяких законов, как теперь обходится без них прогулка, еда, игра в карты и другие способы приятного препровождения времени. Каждая пробужденная потребность будет удовлетворяться досыта, и все-таки останется за потреблением излишек средств удовлетворения; тогда, конечно, никто не будет спорить и ссориться за эти средства, и распределение их вообще будет обходиться без всяких особенных законов, как ныне обходится без особенных законов пользование водами океана: плыви, кто хочет, — места всем достанет.

Надежда на такое время — простой арифметический расчет. Время это настанет; тут расчет так же верен, как то, что в прогрессии

1. 2. 4. 8. 16...

явятся наконец члены, которые будут более миллионов или какого вам угодно данного числа. Но близко ли или далеко до этих членов, близко ли или далеко это время, — вопрос другой; мы думаем, что оно еще очень далеко, хотя, быть может, и не на тысячу лет от нас, но, вероятно, больше нежели на сто или на полтора.

Тогда... О! Тогда будет вполне разумна система, провозглашающая безграничную независимость производства

и распределения богатств от вмешательства общественной власти; тогда будут современны мнения нынешних последователей Жана-Батиста Сэ. Но теперь наши потребности, к сожалению, еще не таковы, чтобы экономическая сфера могла обойтись без своих специальных законов.

Припомним норму поочередного владычества трех форм в каждом явлении⁶. В конце развития экономические понятия будут сходны по форме с теми, от которых началось развитие этой науки. В конце она будет провозглашать, как провозглашала в начале, безграничную независимость индивидуума от всяких стеснений. Мы, к сожалению, живем в периоде переходной формы, отрицающей такую независимость и выставляющей необходимость подчинения экономической деятельности специальным законам. Характер фактов в конце развития также будет иметь сходство с тем, что было при начале. В половине XVIII века, когда явилась политическая экономия, почти не было конкуренции. Со временем конкуренции также не будет; но теперь она существует, и ее существованием обуславливается необходимость понятий, не сходных с теми, какие были порождены ее отсутствием.

«Итак, мы не ошиблись, чувствуя к вам антипатию, предполагая обскурантизм в вашем утопизме,— скажут приверженцы отсталых экономических понятий.— Вот вы сами признаетесь, что хотите регламентации в экономических отношениях».

Что сказать на это? Разве прибегнуть опять к новому трюизму в придачу к тем, которыми наполнены наши статьи? Вражда отсталых людей против новизны основана бывает чаще всего на неспособности различать новое от давнишней старины. Был век регламентации; он проходит; возврат к нему невозможен, и, конечно, всех менее могли бы желать возвращения к отжившему порядку вещей те люди, которые и настоящим порядком недовольны только потому, что находят в нем слишком много старого, отжившего свой век и, следовательно, вредного. Регламентация! Вот в самом деле какая прелесть для нас! Да ведь мы именно потому и расходимся с отсталой школой, что она, гоня и поражая регламентацию одной рукой, удерживает и приголубливает ее другой рукой. По секрету от отсталых экономистов мы сообщим читателю, что они — величайшие регламентаторы, каких только видел свет со времени китайских мудрецов, составивших знаменитую книгу «Десять тысяч церемоний». — «Полноте, как это можно? Каким же образом стали бы поддержкой регламентации те

люди, которые так пылко кричат против нее?» — спросит читатель. Каким образом они стали поддержкой регламентации, это мы увидим после; а теперь скажем, отчего они стали поддержкой ее. Причина очень проста: дело известное, что излишек усердия ослепляет людей до того, что они ничего хорошенько не могут разобрать. Так и экономисты отсталой школы в своей ревности против регламентации не умели хорошенько разобрать, в чем сущность вещи, на которую они нападают, и не заметили разницы между регламентацией, то есть нелепостью, и между законом, достойным своего имени, то есть ограждающим и развивающим свободу, которую давит регламентация. Мы попробуем объяснить эту разницу несколькими примерами, особенно известными в истории регламентации.

Начнем с протекционизма. Он имеет целью покровительствовать развитию домашней промышленности или увеличить государственные доходы. Может ли быть достигнута им та или другая цель? Ослабление торговых сношений с другими народами невыгодно действует и на внутреннюю торговлю, находящую мало возбуждения в заграничном сбыте; мало того, что она ослабевает в целом своем объеме, — она обращается к отраслям производства, наименее производительным, пренебрегая выгоднейшими. Таким образом, вместо того, чтобы поднимать родную промышленность, протекционизм ослабляет и портит ее. Таможенные доходы при протекционном тарифе также уменьшаются, потому что оборот внешней торговли бывает мал. Протекционизм относительно обеих своих целей производит действие, противное тому, какого желал. Мало того, что доход государства уменьшается: расходы по содержанию таможен страшно увеличиваются на усиление пограничной стражи, но контрабанда представляет столько выгод, что при всех преследованиях чрезвычайно развивается. В народе является склонность обманывать правительство, потому что обман легок. Контрабандисты и их патроны умеют избегать наказаний; между тем честные люди вследствие таможенного надзора подвергаются стеснительным обыскам. Таким образом, коренными чертами протекционизма являются следующие факты:

1. Цель, им предположенная, не достигается на практике;
2. Мелочный надзор вводит государство в лишние расходы;
3. Жизнь отдельных людей подвергается мелочным стеснениям;
4. Легкость обмана развивает в нации склонность к нему.

Возьмем другой пример — закон, определяющий норму процентов по займам между частными лицами: в его действии мы увидим те же черты: 1. Вместо того чтобы удерживать проценты на низкой норме, он поднимает ее, затрудняя сделки между людьми, ищущими денег и дающими; 2. Вводит хлопотливый надзор, обременяет полицию и судебные места делами, расходы казны возрастают; 3. Частные люди подвергаются стеснению; 4. Обман легок: нужно только приписывать проценты к капиталу; в народе развивается склонность обходить закон и обманывать правительство.

Следует ли из неудачи, какую терпит регламентация в своем стремлении увеличить государственные доходы, поднять национальную промышленность и понизить кредитный процент, что сами по себе эти стремления дурны или цель их не достижима? Напротив, цели хороши и достижимы, только нужны другие средства для их достижения. Пусть правительство улучшает пути сообщения, охраняет безопасность лиц и собственности, — тогда промышленность будет развиваться; пусть оно облегчит и обеспечит взыскания по кредитным обязательствам, и тогда процент займов понизится. Из того, что регламентация вредна, не следует, чтобы правительство не могло найти других законодательных мер, ведущих к тому же, что безуспешно хотела и не умела делать регламентация.

Теперь посмотрим, каковы последствия дельного <и разумного> закона. Положим, что издано правило, по которому запрещено в питейных заведениях принимать в залог вещи. Каковы будут последствия этого правила при сколько-нибудь порядочной администрации? 1. За питейными заведениями уже и без того должна бы была наблюдать полиция; следовательно, хлопоты ее не увеличатся от нового положения; напротив, соблазн предаваться пьянству и соединенному с ним буйству сократится; следовательно, и хлопоты полиции при новом правиле будут меньше, нежели до него, — иначе сказать, государственные расходы сократятся. 2. Каждый благоразумный человек будет находить выгоды в поддержании нового правила; стало быть, в народе явится вовсе не желание обходить закон и обманывать власть, а напротив, стремление помогать власти в исполнении закона. Общий голос будет немедленно указывать полиции те из питейных заведений, которые захотели бы нарушить закон. 3. Жизнь частных людей нет нужды подвергать мелочному розыску; полиция не имеет надобности останавливать человека на улице

и спрашивать: куда ты идешь, не в питейное ли заведение? И зачем ты несешь с собой эту вещь, не за тем ли, чтобы променять ее на вино? Преступление в нарушении закона ловится только при самом факте нарушения, и стеснению подвергаются исключительно только нарушители закона и только в самую минуту нарушения. 4. При уменьшении развратного пьянства уменьшается число поводов к убийству, воровству, беспорядкам, уменьшается число поводов к семейным неприятностям и возникающим из них делам; потому каждое дело, возникающее из поимки виновного в промене вещей на вино, предотвращает сотни уголовных, полицейских и тяжёбных дел.

Можно набрать множество примеров подобных законов, которые заслуживают в настоящее время имени дельных <и разумных. Общими признаками всех их должны служить:> при них для администрации меньше хлопот, а для казны меньше расхода, нежели было бы без них; они прямо достигают той цели, к которой стремятся; надзор за их исполнением легок, так как при них для администрации меньше дела, нежели без них, следовательно они уменьшают зависимость частного лица и содействуют развитию в нем самостоятельности. Регламентация, как мы видели, имеет признаки противные: она не достигает своей цели, опутывает жизнь мелочным надзором и развивает качества, делающие нужным усиление административного контроля; наконец она обременяет администрацию и убыточна для казны.

Экономисты отсталой школы не умели заметить этой разницы и вместо того, чтобы хлопотать о замещении экономической регламентации разумным законодательством, стали просто толковать о совершенном невмешательстве государства в экономические отношения. В некоторых случаях отменение регламентации действительно не оставляло пробела в общественном устройстве; например, заграничная торговля по своему существенному характеру ничем не разнится от внутренней оптовой торговли, и с отменением протекционного тарифа не появляется нужды ни в каких новых законах, если законы относительно внутренней торговли удовлетворительны. Но один случай не может быть правилом для всех остальных, притом и в нем ненужность особенных законов обуславливается существованием удовлетворительных законов для того дела, к которому относится заграничная торговля, как часть к целому. А что, если какой-нибудь важный факт общественной жизни не имеет для себя законов? Тут, ко-

нечно, открывается простор произволу и беспорядкам. Так и случилось относительно конкуренции, развившейся почти на наших глазах, уже после Адама Смита. Еще хуже бывает, когда средневековые учреждения, возникшие волей общества сообразно известным обстоятельствам, принимаются за натуральный, не подлежащий никакому изменению порядок вещей. Таково положение поземельной собственности на Западе; она возникла из феодализма и в главной массе своей представляется остатком его. Теперь состав и потребности общества вовсе не те, как во времена феодализма; но давность времени заставила забыть об искусственном происхождении западной поземельной собственности, и отсталые экономисты всякое желание нового законодательства по этому важному предмету провозглашают нарушением естественного порядка. Что же хорошего может быть, когда под ложной маской натуральности остается среди нового общества средневековое учреждение? Будучи решительно противно потребностям нового времени, оно будет служить источником еще гораздо большего числа бедствий и худшей путаницы, нежели служило бы совершенное отсутствие всякого порядка.

Подобных учреждений в нынешнем экономическом устройстве Западной Европы еще больше, нежели таких случаев, для которых недостает прочных учреждений.

Поддерживая средневековые учреждения, находящиеся в нелепом разладе с нынешними потребностями, или оставляя важные отрасли общественной жизни без всяких учреждений, теория *laissez faire, laissez passer* мешает возникновению разумного законодательства. К каким последствиям ведет отсутствие или нелепость законов, вещь известная: возникает неурядица, на каждом шагу грозит опасность имуществам, лицам и всему общественному устройству; общество принуждено прибегать к стеснительному полицейскому надзору и непрерывным насильственным мерам для своего охранения. Возникает множество стеснений из нелепого положения дел; каждым новым стеснением нелепость увеличивается; из каждого насилия или придирки возникает необходимость новых стеснений и придирок; словом сказать, отсутствие законов порождает регламентацию. Вот каким образом теория невмешательства государственной власти в экономические отношения, одной рукой поражая регламентацию, другой рукой поддерживает ее. Жизнь частного человека в Западной Европе чрезвычайно стеснена. Англии в этом от-

ношении завидует континент; но сами англичане не находят себя достойными зависти; чтобы убедиться в том, надобно только не почерпать своего знакомства с Англией из дрянных книжонок, сочиняемых на континенте какими-нибудь Монталамберами, а читать то, что пишут о своей жизни дельные англичане. Вероятно, много накапливается у них желчи, если такие люди, как Карлейль, с восторгом говорят о системе правления, бывшей в Пруссии при Фридрихе II. Да что Карлейль! — посмотрите английские газеты: и в них желчь и юмор на каждом шагу. Но и газеты доступны не каждому; так вспомните по крайней мере романы Диккенса: восхищается ли он знаменитой английской свободой? О континенте Западной Европы нечего и говорить: мы уже сказали, что он завидует Англии.

Да и чего иного хотите вы? Где нет закона, там произвол; произвол сам по себе есть стеснение; кроме того, от него возникает множество злоупотреблений и опасностей; где множество злоупотреблений и опасностей, там неизбежны стеснительные меры, то есть регламентация.

Но что же мы считаем дельным и разумным законодательством для экономической сферы? Как бы это объяснить примером, против которого не могли бы спорить даже экономисты отсталой школы? Возьмем в пример хотя акционерные общества: ведь для них были же нужны новые законы, которых не существовало в средних веках. Из этих законов основной один: участники общества отвечают только теми деньгами, которые заплатили за акции; если бы общество обанкротилось, никто из акционеров не отвечал бы за него остальным своим имуществом. Люди, знакомые с нынешним положением промышленности и торговли, знают, как полезно это правило, как сильно оно способствовало к развитию промышленности, сколько тяжёб и неприятностей оно предупреждает, как развивает оно предусмотрительность и рассудительность во всех, имеющих дело с акционерными компаниями. Другое основное правило: акционеры имеют контроль над своим обществом; пользу этого правила для всех частных людей не нужно и объяснять; а от скольких лишних хлопот освобождает оно административную власть! Мы выбрали пример, можно сказать, ничтожный, но и он достаточно показывает, что у нового общества есть по экономической деятельности потребность в таком законодательстве, которого не знала прежняя история.

Других случаев мы приводить не станем, чтобы не называли нас утопистами, как назвал бы Адам Смит уто-

пистами тех людей, которые стали бы ожидать чего-нибудь хорошего для торговли и промышленности от акционерных обществ. Можно только сказать, что если этот гениальный человек не отгадал, какой способ действия будет самым сильным двигателем экономической деятельности через пятьдесят лет после него, то какого же внимания заслуживают полубездарные ученики одного из его учеников, ограничивающие всю будущность человечества рамками своей узенькой теории, составляющей только искажение слов великого шотландского мыслителя?

Каковы экономические потребности при настоящем порядке дел вообще, было бы неуместно излагать в этих статьях, писанных по поводу одного специального вопроса о сохранении у нас общинного владения землей в том размере, в каком оно до сих пор уцелело. Довольно будет рассмотреть, каковы признаки этого учреждения: те ли, которыми отличается регламентация, или те, которые принадлежат разумному экономическому закону.

1. Ведет ли общинное владение к той цели, которой предполагает достичь, или производит следствия, противные своему назначению? Оно претендует на достижение двух результатов: А) Сохранить участие огромному большинству нации во владении недвижимой собственностью; В) Поддержать по возможности равномерное распределение подлежащей ему части недвижимой собственности между лицами, участвующими в ней. Хороши ли эти цели, пока не о том вопрос; вопрос только о том, достигаются ли они. Против этого никогда не спорил никто: для всех, и для приверженцев и для противников общинного владения, очевидно, что при нем действительно огромное большинство нации сохраняет равномерное участие в недвижимой собственности, и нет ни у кого ни малейшего сомнения, что общинное владение в чрезвычайно высокой степени достигает тех целей, к которым стремится.

2. Уменьшаются ли, или увеличиваются хлопоты и расходы общественной власти существованием общинного владения? Увеличивается ли при нем количество случаев для вмешательства центральной или хотя бы провинциальной власти в дела частных людей? Нужен ли мелочной и придирчивый присмотр за частной жизнью для охранения закона об общинном владении? Каждый знает по опыту, что этого нет. По общинному владению возникает в миллион раз меньше юридических споров, нежели по частной собственности: не бывало еще примера, чтобы судебная власть должна была хлопотать о решении дел по

общинному поземельному владению. Если и бывают споры (впрочем, чрезвычайно редкие), они решаются в ту же минуту, когда возникают; решаются теми же людьми, между товарищами которых возникли; решаются с такой простотой, с такой ясной для всех верностью, что оба спорившие признают совершенную основательность решения. По общинному владению для центральной или провинциальной администрации еще меньше хлопот, нежели для судебной власти: жизнь этого факта совершенно вне сферы действий центральной или провинциальной администрации. Это единственный род собственности, охранение которого не доставляет правительству ровно никаких хлопот и не требует от него ровно никаких расходов. И по своему принципу, и по всем подробностям и результатам своего существования общинное владение совершенно чуждо и противно бюрократическому устройству.

3. Теперь не нужно и спрашивать, увеличивается ли, или уменьшается от общинного владения сумма мелочных стеснений для частной жизни. Со стороны правительства не нужно никакого контроля за охранением его: оно охраняет само себя. Следовательно, из всех родов собственности общинное владение есть тот род, который наиболее предохраняет частную жизнь от административного вмешательства и полицейского надзора. Точно то же надобно сказать и о судебных вмешательствах. Общинное владение — такой факт, до которого вообще есть дело только тем лицам, которых оно прямо касается, и только в те немногие минуты, когда пересматривается устройство этого факта для определения его на период времени, во всяком случае довольно продолжительный. Затем во все продолжение этого периода каждый частный человек остается уже совершенно огражден от всякой возможности каких бы то ни было хлопот и споров по охранению своего недвижимого имущества: никто не может даже и подумать вмешаться в его права или оспаривать их, — опасность, которая ежеминутно висит над частной собственностью и беспрестанно хватает того или другого частного собственника, призывая его к тяжбам или административным разбирательствам. Существенное отличие общинного владения от всякого другого рода собственности со стороны юридической безопасности состоит в том, что оно основано исключительно на одном свежем материальном факте, который держится в памяти всех окружающих людей (членов общины) и не может подвергаться никакому оспариванию, между тем как собственность всякого другого рода

зависит от бесчисленного множества фактов, обстоятельств и документов, чуждых публичной известности и часто неизвестных даже тому лицу, к которому они относятся. Положим, например, что известное лицо получило владение частной собственностью по наследству, и возьмем самый краткий и безопасный путь перехода: наследство от отца сыну. Сколько и тут может возникнуть непредвиденных опасностей, сколько может обнаружиться безвестных документов, противных праву наследника! Во-первых, законен ли был брак, от которого произошел наследник? Законность брака зависит от тысячи отношений, и никогда нельзя поручиться, что все они уже разъяснены и решены в пользу наследника. Во-вторых, действительно ли произошел он от этого брака, а не от его нарушения? Тут опять все зависит от бесчисленного множества доказательств, из которых довольно одного, хотя бы самого пустого, чтобы надолго подорвать безопасность наследника. В-третьих, если известное лицо действительно произошло от законного брака, то личность владельца действительно ли есть та личность, которая признана законным сыном известного лица? В-четвертых, не было ли других законных детей, имеющих такие же права? Всех запутанностей и затруднений, которым может подвергнуться самый факт перехода наследства от известного лица к другому лицу, как его законному сыну, невозможно и перечислить. Но один ли факт перехода подлежит юридическим опасениям? Нет, ведь это только один из бесчисленных фактов, от которых зависит пользование наследством. Положим, что наследство перешло от отца к сыну законно; но должно ли было оно принадлежать отцу? Тут опять возобновляется вся перспектива прежних затруднений и споров. Это ли одно? Та же самая история и относительно деда, и множества других родственников, с тем улучшением, что при каждом шаге назад страшно увеличивается трудность бесспорно опровергнуть сомнение. Ограничивается ли одним этим источником возникновение опасности? Положим, что принадлежность известного имущества известному лицу бесспорна по его происхождению; но не было ли сделано волей предшествовавших ему владельцев каких-нибудь юридических распоряжений, противных переходу? Может быть, существуют завещания, может быть, существуют акты продажи или залога и мало ли каких других актов, противоположных праву наследства. Мы вовсе не хотим сказать, что частная собственность недостаточно ограждена зако-

ном; мы хотим только показать, что, находясь в зависимости от бесчисленного множества фактов, из которых каждый может служить для нее источником юридических споров, она представляет для ограждения законным путем бесчисленное множество сторон, из которых каждая может нуждаться в защите длинным спорным путем, исполненным беспокойств и доставляющим бесчисленное множество хлопот для судебной и административной власти. Мы хотим только сказать, что всего этого бесчисленного множества хлопотливых шансов, требующих правительственного вмешательства, не существует для права общинного владения, которому нужен исключительно один факт, никогда не подвергающийся никаким спорам. Принадлежал ли известный участок общинной земли известному лицу? Все члены общины были на сходке, присвоившей ему этот участок; сомнения и споры тут невозможны, как невозможно спорить о том, в какой губернии лежит какой уезд: это известно всем, кого ни спроси кругом, и охота спорить послужила бы только к общему смеху. Тут нет вопроса о том, действительно ли Иван Захаров есть Иван Захаров, а не какой-нибудь подкидыш или самозванец; действительно ли Иван Захаров — законный сын Захара Петрова; законен ли был брак Захара Петрова; не было ли других детей у Захара Петрова; не было ли завещания у Захара Петрова; не было ли долгов у Захара Петрова, и так далее, и так далее. До всего этого никому дела нет. Принадлежность участка Ивана Захарова так же ясна для всех и так же бесспорна, как принадлежность ему тех мозолистых рук, которыми он кормит свою семью.

Неужели надобно говорить, каковы необходимые последствия для самостоятельности частной жизни от совершенной бесспорности имущества? Неужели надобно говорить, что в этой бесспорности лежит первое и полнейшее условие независимости частного лица? Неужели надобно доказывать, что бесспорность прав частного лица служит первейшей преградой постороннему вмешательству в его жизнь? Или надобно говорить, что чем проще, очевиднее и бесспорнее факты гражданских отношений частного лица, тем менее предлогов для мелочного контроля и стеснения его жизни?

4. Надобно ли говорить после этого и о том, обман или прямотушие, гражданские пороки или хорошие качества гражданина развиваются общинным владением? Оно основано на материальных фактах, всем известных, не подлежащих ни спору, ни утайке. Мысль об обмане в этих

фактах такая же невозможность, как мысль утаить Волгу или Петербург. Сутяжничество невозможно; права не могут быть потеряны: благоприятствует ли это независимости характера, развитию уверенности в том, что можно обходиться без чужой помощи и протекции, развитию привычки к энергической инициативе?

Еще один вопрос. При общинном владении устройство самой важной части экономического быта каждого частного лица прямым образом связано с его участием в делах общества; решения общества зависят от его участия; он может иметь все то влияние на них, которое доступно его способностям и силе характера; не участвовать в общественных делах со всей возможной для его личности энергией нельзя ему, потому что с ними связан очень важный личный интерес. <Спрашивается теперь, благоприятно ли такое устройство для развития в каждом члене общества охоты и привычки быть гражданином, то есть неослабно смотреть за ходом общественных дел и по мере своих способностей участвовать в их ведении?>

По всем этим признакам нам нетрудно решить, к какому порядку вещей принадлежит общинное поземельное владение: к регламентации или к разумному законодательству. Оно достигает своей цели. Оно не увеличивает, а уменьшает хлопоты и расходы правительства. Оно так просто, что отстраняет нужду во вмешательствах всякой центральной и посторонней администрации. Оно дает бесспорность и независимость правам частного лица. Оно благоприятствует развитию в нем прямоты характера и качеств, нужных для гражданина. Оно поддерживается и охраняется силами самого общества, возникающими из инициативы частных людей. <Нам кажется, что все это вместе составляет натуру разумного законодательства, противоположную регламентации.>

Мы упоминали о том источнике, из которого происходит вражда добросовестной части между отсталыми людьми против новых понятий. Эти бедняжки не могут понять разницы между старым, против чего некогда они боролись честно и полезно, и новым, вступающим в такое же отношение к их обветшалой новизне, обратившейся в рутину. Когда явился Пушкин, все свежие и умные люди стали за него, все обскуранты вооружились против Пушкина. Прошло двадцать или больше лет; обстоятельства во многом изменились, сообразно с ними явились новые требования в поэзии. И вот появились люди, которые стали говорить, что Пушкин уже недостаточен для нашего време-

ни, что нужна теперь и уже возникает новая литература с новыми деятелями, у которых и содержание и форма не похожи на прежние, на то, что было при Пушкине. — «Как? Вы против Пушкина? — возопияли добросовестные отсталые люди. — Значит, вы говорите то же самое, что во времена нашей молодости говорили обскуранты, — ведь они также восставали против Пушкина; значит, вы хотите, чтобы общество восхищалось Сумароковым и Херасковым?» Ну да, друзья мои, вы совершенно отгадали: Гоголь как две капли воды похож на Державина, Щедрин — на Хераскова, Кольцов — на Нелединского-Мелецкого, <Некрасов — на Лермонтова>. Вы совершенно отгадали, в чем дело.

Как бы растолковать добросовестным отсталым людям, что порядочные люди нового времени проникнуты теми же честными стремлениями, какими были проникнуты порядочные люди прежних поколений, что только обстоятельства переменились во многом, и потому для осуществления тех же стремлений приходится делать не то, что делалось прежде? Как бы растолковать им, что мужик, боронующий землю, продолжает то же самое дело, которое делал, когда пахал ее? Но нет, толковать об этом напрасно. У кого из прежних людей есть способность понимать факты и думать о них своей, а не чужой головой, тот сам давно это знает, и новое время чтит его как полезного деятеля современности наравне с новыми людьми; чтит его выше их, потому что он показал не совсем обыкновенную силу ума и честной твердости, поняв и приняв к сердцу заботы общества, не совсем похожего на то, в котором воспиталась его молодость. Честь ему; он совершает уже второй переход по тяжелому историческому пути и идет наравне с нами или даже впереди нас, делающих наш первый переход. А что до остальных его сверстников, — бог с ними. История обойдется и без них. Пусть себе твердят зады.

Стремления новой школы в экономической науке те же самые, какие были и у старой, когда старая была молода. Только обстоятельства переменились; с ними изменились требования общества, с требованиями общества изменились и понятия о том, что нужно делать ныне для достижения тех целей, к которым стремились и основатели старой школы. Перемена не в предмете желаний: он один и тот же — доставление большего благосостояния человеку и, как необходимейшая гарантия, как важнейший источник всякого благосостояния, развитие самостоятельности отдельного лица. Перемена и не в том, чтобы отвергалось

хотя одно научное понятие, выработанное прежней школой. Не беспокойтесь: никто не отвергает той истины, что ценность вещи зависит от отношения между предложением и запросом, что личный интерес служит сильнейшим или, пожалуй, единственным двигателем всякой деятельности; не беспокойтесь, никто не отвергает этих и других подобных им экономических истин.

Напротив того, на них-то именно и основана новая теория. Их открытие составляет, по мнению новых людей, славу прежней школы. Разница только в том, что к старым открытиям прибавились новые; что прежними теоремами не исчерпывалась вся истина, что в прежней теории открылись пробелы, которые теперь дополнены новой теорией, как и в ней со временем найдутся пробелы, которые будут пополнены трудами следующих поколений.

Теперь мы говорим о том отделе экономической теории, который относится к вопросу об участии общественной силы в экономической деятельности. Старая школа открыла, что один способ этого вмешательства, самый употребительный в те времена, регламентация,— вещь очень вредная. Честь и слава старой школе за это благодетельное открытие. Но что же открылось потом? Открылось, что те области жизни, которые не ограждены от произвола и слепого случая разумным законодательством и рассудительной предусмотрительностью, подвергаются деспотизму произвола. Теория, составленная тогда, когда этот факт еще не был замечен наукой, оказалась недостаточна. Мы разбирали эту знаменитую теорию и видели, что она ведет к пожертвованию правами отдельного человека и его самостоятельностью всем прихотям государства. Кто же верен духу экономической науки и благородных ее основателей, боровшихся против рутины и произвола: те ли, которые держатся рутинной теории, или те, которые отвергают ее за то, что она ведет к произволу?

Мы видели другой факт. Старая школа требовала натуральности в экономических отношениях и восставала против искусственности; она заметила, что природе противна регламентация. Прекрасно, но что же открылось потом? Было замечено, что вся человеческая деятельность состоит в переделке природы; что каждое действие и каждое желание человека состоит в замене фактов и отношений, даваемых природой, другими фактами и отношениями, более сообразными с потребностями человека. Как согласить это разноречие? Искусственного ничего не должно быть, все должно стремиться к натуральности; и с тем

вместе вся человеческая деятельность состоит в изменении порядка, возникающего независимо от человеческой воли, то есть порядка, даваемого натурой, — как соединить эти различные факты? Ответ ясен. Надобно различать человека от внешней природы, слепое действие сил внешней природы от человеческих желаний, результаты действия сил внешней природы от человеческих потребностей. Мы люди, мы смотрим на все с человеческой точки зрения и не можем смотреть иначе. Из этого ясно, в каком объеме надобно понимать ту природу, с которой должна сообразоваться экономическая деятельность. Эта натура — человек, его силы и потребности. Мы можем браться только за то, что в наших силах. Мы должны делать так, как велят наши потребности. Часть природы, человек старается переделать сообразно себе остальные части. Если вы хотите придать философское выражение этому закону, вы увидите в нем тот же самый закон, по которому теплое тело стремится разлить свою теплоту на все окружающее, лишенное теплоты; тот самый закон, по которому проникается электричеством все соприкасающееся с телом, в котором развивается электричество. Каждый процесс природы стремится охватить всю природу. Человек есть вместилище известного процесса, и, выходя от него, этот процесс, процесс разумного устройства и жизни более энергической, стремится внести более энергическую жизнь и более разумное устройство в остальную природу.

Не беспокойтесь же: тут действует природа; искусственности тут нет, как нет искусственности во всем планетарном процессе, венцом которого является деятельность сил, находящих себе орган в человеке. И особенного тут нет ничего, если одна часть природы, одна ее сила борется против других; все силы природы так действуют, все они в борьбе между собой. Можно прибавить, что нечего сомневаться и в будущей судьбе тех сил, которые представляются нашему сознанию как потребности человека: когда известный процесс является крайним развитием других низших процессов, предшествующих ему, нечего спрашивать о том, удержится ли он и будет ли он усиливаться с каждым часом: пока существуют другие процессы, будет существовать и он; и пока их непрерывное действие будет продолжаться, в каждую данную минуту будут приливаться к нему из них новые силы. Пока остается на земле растительная и животная жизнь, исторический процесс будет неудержимо идти своим чередом.

Мы заговорили философским языком об общих принципах нынешнего воззрения на человеческую жизнь. Что же делать? Каждая частная теория относительно известной сферы жизни сознательно или бессознательно выводится из общего мирозерцания данной эпохи. Нам кажется, что сознательный образ мыслей лучше бессознательного, и, показав коренное основание нынешней теории, мы можем спуститься в область частной экономической науки и изложить ее прозаическим языком нынешние понятия об одном из ее вопросов. Мы писали эту статью с тем, чтобы разъяснить понятия новой экономической школы об отношениях государства к частной инициативе в экономической деятельности. Мы старались показать неудовлетворительность отсталой теории, желающей освободить частную экономическую деятельность от всякого административного и законодательного влияния, но вместо того приходящую к подавлению личности, к отдаче ее на полный произвол государства даже и в экономическом отношении, через сосредоточение всей громадной силы, которой располагает государство, в одном направлении, самом неблагоприятном для самостоятельности индивидуума. Мы старались потом показать, что каковы бы ни были экономические теории общества и государства, все-таки государство имеет громадное влияние на экономическую деятельность и не может не иметь его. Прямым образом экономическая деятельность частных лиц подчинена государству посредством бюджета; косвенным образом она подчиняется влиянию каждой законодательной и административной меры, каков бы ни был прямой предмет государственного действия; следовательно, заключаем мы, вопрос не в том, частная экономическая деятельность будет ли подвергаться сильному и прямому вмешательству государства: иначе быть не может, пока существует государство; вопрос только в том, сознательно или бессознательно будет производиться это вмешательство. Нам кажется, прибавляли мы, что сознательность и в этом случае, как во всех других, лучше бессознательности, потому что сознательное действие может быть управляемо и удерживаемо в известных границах рассудком, а бессознательная сила действует слепо и беспощадно. О направлении, в каком должно производиться влияние государства на экономический быт, мы также говорили; остается сказать о том, в каких границах оно должно удерживаться.

Одну из норм, определяющих границы государственного влияния, мы уже упоминали. Эта норма — здравый

рассудок, главное правило которого: берись только за то, что возможно. Регламентация тем и нелепа, что хочет сделать невозможное. Мы замечали также, что невозможность часто лежала не в самом предмете, к которому стремились, а в средствах действия, которые были избираемы.

Если бы эта статья не была уже так длинна, мы подробно рассмотрели бы понятия возможности и невозможности с их признаками, — этот предмет очень важен, потому что в нем господствуют чрезвычайно странные предрассудки. Быть может, нам случится заняться им когда-нибудь в другой раз. Теперь заметим только два обстоятельства. Во-первых, часто называют невозможным то, что неприятно. Например, может ли Франция при нынешнем расстроенном положении своего бюджета употребить полмиллиарда франков на заимообразное пособие промышленным товариществам людей, занимающихся черной работой? Единодушный ответ всех обскурантов, реакционеров и отсталых экономистов: «не может». — Почему же? «Ей негде взять такую страшную сумму, в бюджете и без того дефицит, нация и без того обременена налогами, государственный долг и без того громаден». Ну, а Крымскую войну могла ли она вести? Могла истратить на нее более миллиарда? И теперь может начать новую войну, которая будет стоить еще гораздо дороже? Это она не только «может сделать», это она сделала и сделает. А, понимаем.

Другое обстоятельство состоит в том, что неумение или нежелание принять нужные средства смешивают с невозможностью предмета, между тем как неудача при неудачном выборе средств доказывает только, что нужно поискать других средств (в большей части случаев нечего и искать: верные средства к достижению цели уже указаны бывают умными людьми, только слушать их не хотят). Например, в Англии государство не успевает улучшить положение бедных классов посредством подати в пользу бедных; из этого заключают, что государство и не может помочь им прямым образом. Но как употребляются деньги, доставляемые этой податью? Обращаются ли они на устранение причин, производящих бедность? Нет, напротив, употребляются так безрассудно, что содействуют усилению этих причин. В корабле оказалась течь; вместо того, чтобы заделать ее, вы только стараетесь вычерпать воду, да еще приделали помпу так неловко, что от каждого удара рукоятки слабеют те пазы, в которых находится щель: удивительно ли, что течь с каждым часом увеличивается

и в трюме вода прибывает? А следует ли из этого, что нельзя избавить корабль от этой беды?

Если есть охота, если есть умение, область возможного очень велика; если нет ни охоты, ни умения, — ничего нельзя сделать путным образом. Из этого мы видим, что, если речь идет о каком-нибудь отдельном случае, вопрос о возможности чрезвычайно много зависит от качеств государственной власти; из них главное — охота; умение всегда приходит вслед за ней.

Второй нормой для определения границ государственного вмешательства служит справедливость. Что такое справедливость, об этом много спорят разные философские и экономические теории. Но если читатель согласен с нами, что человек должен смотреть на все человеческими глазами, он легко сделает выбор между разными решениями. Справедливо то, что благоприятно правам человеческой личности; всякое нарушение их противно справедливости; потому устранение всего противного человеческим правам требуется справедливостью.

⟨При этом надобно заметить, что каждый данный в действительности факт имеет бесчисленное множество сторон и результатов, между которыми всегда есть благоприятные для прав хотя какой-нибудь личности и невыгодные для кого-нибудь. В самом справедливом факте всегда есть стороны не совсем справедливые и наоборот. Как тут решать? Можно ли поколебаться в уничтожении колоссальной несправедливости, хотя бы через это некоторые личности и лишились прежнего благоденствия? На это дает ответ арифметика, руководствоваться которой вообще очень полезно. Она говорит, что сумма, полученная из сложения положительного количества с отрицательным, имеет тот знак, какой принадлежит большему количеству; и если, например, $+ 1\,000\,000$ (восстановление прав миллиона личностей) слагается с $- 2$ (нарушение прав личностей), то в результате получится все-таки $+ 999\,998$, то есть сумма, которая в практической жизни не может быть и различена от одного первого количества, то есть от беспримесной справедливости. Не надобно думать, чтобы этим правилом вводилось что-нибудь новое, что-нибудь такое, чего не было бы в каждом из тех наших действий, которые мы называем справедливыми или добрыми: делая кому-нибудь пользу, мы всегда подаем кому-нибудь повод к жалобе на нас, как бы невинен ни казался наш поступок. Злобные вопли людей, кричащих о нарушении их прав, надобно слушать хладнокровно; и если по хладнокровном

арифметическом разборе дела окажется, что в нем польза для миллиона, а убыток для немногих, надобно, не колеблясь, принимать меры, которые указаны рассудком для исполнения этого дела.⟩

Изложение нашей теории было очень длинно, потому что на каждом шагу встречались нам предубеждения, требовавшие разбора. Но сущность теории, которая принимается за справедливую и полезную для настоящего времени современными мыслителями, очень проста и немногосложна; ее можно выразить несколькими трюизмами, из которых каждый сам по себе принадлежит к разряду мыслей, подобных знаменитым истинам: «солнце освещает землю; ночью бывает темнее, нежели днем», и т. д. Каждый из них мы отметим особенным значком, чтобы эти золотые изречения не затерялись для потомства.

А. Человек имеет потребности.

В. В числе человеческих потребностей есть такие, которых нельзя не признать законными и неизбежными. Они называются неотъемлемыми потребностями человеческой природы. О них мы и будем говорить.

С. Пока эти потребности какой-нибудь личности не удовлетворены, личность не получила удовлетворения своих прав.

Д. Говорить о правах человеческой личности — значит говорить об удовлетворении потребностей человеческой природы.

Е. Потому все, что ведет к лучшему удовлетворению человеческих потребностей, благоприятно правам личности.

Это первый ряд трюизмов. Вот второй ряд:

Ф. Несправедливость состоит в нарушении человеческих прав.

Г. Справедливость состоит в их охранении, восстановлении и увеличении.

Н. Каждый человек обязан помогать по мере своих сил осуществлению справедливости.

И. Что обязан делать каждый, то обязаны делать все.

Теперь третий ряд:

Ж. Нация состоит из людей.

К. Все люди, составляющие нацию, рассматриваемые как одно целое, называются государством.

Л. Все вместе люди продолжают иметь те же обязанности, какие каждый из них имеет в отдельности.

М. Каждый человек обязан по возможности действовать в пользу справедливости.

Н. Государство также.

Теперь четвертый ряд:

О. Государство располагает известной степенью влияния над национальной жизнью.

Р. Все отрасли жизни тесно связаны между собой.

Q. Когда из предметов, тесно связанных между собой, один подвергается известному влиянию, этому влиянию не могут не подвергаться и все связанные с ним.

Р. Экономическая деятельность есть одна из отраслей жизни.

S. Государство обязано заботиться о том, чтобы его влияние производилось сообразно закону справедливости.

Т. Справедливость состоит в удовлетворении человеческих потребностей.

U. Экономическая сторона жизни имеет потребности.

Теперь пятый ряд:

V. Человеческие обязанности ограничиваются пределами возможного и благоразумного.

X. Нормой человеческих действий должна служить справедливость.

Y. Государство состоит из людей.

Но мы утомили читателя этим длинным рядом мудростей, заимствованных как будто прямо из прописей или из прекрасных Premier-Moscou покойницы «Молвы»⁷: «Москва есть первопрестольная столица», и т. п. Да и латинский алфавит уже истощен. Сократим же всю эту мудрость и скажем просто:

Государство не может не иметь прямого влияния на экономическую деятельность. Все те действия, которых требуют здравый рассудок и справедливость, все они составляют не только право, но и прямую обязанность государства.

Короче и проще этой теории, кажется, ничего быть не может; вся она возникает из соединения мыслей, несомненных до наивности и тривиальности. А между тем читатель, будьте уверены, что найдутся люди, которые станут говорить: «какая опрометчивая теория! Сколько в ней софизмов!» Еще больше найдется таких, которые скажут: «ну вот, ведь мы знали, что общинное поземельное владение могут защищать только люди, не дорожащие правами человеческой личности, готовые отдать ее на произвол государства». Пусть говорят. Этих толков мы не боимся. Мы боимся только того, что каждый рассудительный человек скажет: не смешно ли писать длинные статьи в доказательство того, что без всяких доказательств ясно

каждому, думающему своей, а не чужой головой, и известно, по выражению Гоголя, каждому, даже не обучавшемуся в семинарии? Вот этого одного приговора мы и боимся.

А все-таки следующая наша статья, также очень длинная, будет посвящена доказательству той великой истины, что ложка меду, влитая в бочку дегтя, не виновата в том, когда вы, отведывая эту смесь, ощущаете мало сладости⁸.

Проницательный читатель видит, что предметом следующей статьи будут также возражения против общинного поземельного владения: «почему же, дескать, оно не оказывает тех удивительных действий, которые, как вы объясняете, должны происходить из его натуры?»

В связи с этим затруднительным вопросом мы будем рассматривать другой, столь же затруднительный вопрос: почему лещ, вытащенный на берег рыболовной сетью, не плавает?